

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

РУССКОЕ СЛОВО

10/2014
цена 50 крон

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И НАЧАЛО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ХУДОЖНИК
ЯРОСЛАВ ШЕРИХ

ЕВГЕНИЙ ДЕНИСОВ — БЕРЛИН

ПОКАЯНИЕ ЛЮДЕКА ПАХМАНА

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ С. МИХЛОВОЙ

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ В БОРКАХ

ОМСКИЙ ДНЕВНИК
1917—1920

НОВОСТИ • РЕПОРТАЖИ

УБИЙСТВО АЛЕКСАНДРА I КАРАГЕОРГИЕВИЧА

ЮРИЙ ФЕДОРОВ

ЖЕРТВА ИЛИ СОУЧАСТНИК? СССР И НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Генерал Гейнц Гудериан (Heinz Guderian) и комбриг Семен Моисеевич Кривошеин на трибуне во время передачи польского города Брест-Литовска частям РККА. Слева — генерал Морич фон Виторин (Mauritz von Wiktorin). 22 сентября 1939 года. Bundesarchiv.

75 лет тому назад, летом 1939 года, незадолго до пакта Молотова—Риббентропа и, как минимум, за три месяца до нападения Красной армии на Финляндию, ансамбль Красноармейской песни и пляски Ленинградского военного округа записал новую пластинку. Песня называлась «Принимай нас, Суоми-красавица». Хор, чеканя слова, пел:

Ломят танки широкие просеки,
Самолеты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.

Красавица Суоми не захотела принять советские танки. Но об этом чуть позже. Заметим лишь, что очередной «освободительный поход» советских войск намечался на раннюю осень 1939 года, когда невысокое осеннее солнышко должно было зажигать огни на сверкающих штыках храбрых красноармейцев, которых радостно встречают застенчивые финские девушки. Впрочем, в планах советского руководства были и другие страны. Украинский историк Сергей Грабовский обнаружил в киевских архивах текст еще одной, правда, оставшейся только на бумаге песни, написанной в 1940 году:

Красный стяг, коммунарами поднят,
Принесли мы, французский народ,
И Париж ваш, у Гитлера отнятый,
Вновь под знаменем красным живет [1].

Французскому народу повезло больше, чем красавице Суоми. Советские солдаты не добрались до Парижа ни в 1940-м, ни в 1945 году, ни позже, во время холодной войны.

Можно возразить: нельзя же судить о стратегических планах по каким-то песням. И в самом деле, песенка Битлов Yellow submarine никак не свидетельствует о намерениях командования британского королевского флота выкрасить свои подлодки в желтый цвет. В СССР, однако, своеволие не допускалось даже в мелочах. Вождь народов лично утверждал не только тексты, но и музыку важных в политическом отношении песен. И если военный хор пел о Суоми, значит, операторы Генерального штаба уже нарисовали на картах стрелы ударов по Выборгу, Хельсинки и Турку. Но обо всем по порядку.

ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА...

Вечером 31 августа 1939 года штурмбанфюреру СС Альфреду Наужоксу, находившемуся в немецком городке Гляйвиц, что на самой границе с Польшей, сообщили по телефону: «Бабушка умерла». С родственниками штурмбанфюрера все было в порядке, а звонок был командой к началу операции. Получив его, Наужокс с четырьмя офицерами СС ворвался в помещение местной радиостанции, запер в подвале ее персонал, имитировал перестрелку и прочитал в микрофон хлесткое антинемецкое воззвание на польском языке. Рядом со зданием были оставлены трупы переодетых в польскую форму уголовников, накануне убитых гестапо. На следующий день в обращении к немецкому народу Гитлер заявил, что Польша напала на Германию, которая с этого момента находится с ней в состоянии войны. 3 сентября Франция и Великобритания объявили Германии войну.

Через две с половиной недели, 17 сентября 1939 года, в войну на стороне Германии вступил СССР. В Польшу вторглись полмиллиона советских солдат. Несмотря на упорное сопротивление, которое части Войска Польского оказывали им при обороне Вильно, Гродно и Львова, военная катастрофа Польши стала неизбежной. В Гродно, Бресте, Пинске и других польских городах состоялись совместные советско-нацистские «парады победы». 31 октября 1939 года Вячеслав Молотов, второй человек в сталинской иерархии, не скрывая злорадного торжества, заявил на внеочередной сессии Верховного Совета: «Оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора» [2]. Депутаты в восторге разразились продолжительными аплодисментами. И не удивительно. Советский Союз оккупировал, а затем аннексировал территории площадью почти 200 тысяч квадратных километров, где проживало около 13 миллионов человек. На них обрушились массовые репрессии. По сводкам НКВД, с сентября 1939-го по июнь 1941 года на бывших польских территориях было арестовано более 108 тысяч человек. Еще около 280 тысяч человек, главным образом, поляков, были высланы в Сибирь и Казахстан [3].

Лондон и Париж ограничились нотами протеста, но объявлять Сталину войну посчитали излишним. 28 сентября 1939 года четвертый раздел Польши был закреплен в Договоре о дружбе и границе между СССР и Германией. В декабре 1939 года вождь советского народа Сталин в телеграмме своему коллеге, вождю немецкого народа Гитлеру, написал: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной». Советский вождь ошибся. Скрепленная кровью польских солдат нацистско-советская дружба длилась менее двух лет. Но это уже другая история.

После разгрома Польши гитлеровская Германия взяла тайм-аут и в течение шести месяцев готовилась к блицкригу на западе. Накопив силы, в апреле 1940 года немецкие войска вторглись в Данию и Норвегию, в мае оккупировали Бельгию, Нидерланды и Люксембург. Окруженные под бельгийским Дюнкерком английские войска, бросив танки, артиллерию и транспорт, чудом сумели эвакуироваться на Британские острова. Великобританию спасли мощный военно-морской флот и мужество летчиков, отражавших массированные атаки немецкой авиации. Франции повезло меньше: в мае—июне 1940 года ее армия была разгромлена, правительство капитулировало и немецкие войска прошли победным маршем

Иосиф Сталин и Иоахим фон Риббентроп при подписании Пакта о ненападении между СССР и Германией (так называемый «пакт Молотова—Риббентропа») в Кремле 23 августа 1939 года.

по Елисейским полям. Это была расплата за предательство Чехословакии и отказ от боевых действий вплоть до начала немецкого наступления.

На востоке события развивались несколько иначе: Сталин торопится ковать железо пока горячо. В октябре—ноябре 1939 года Кремль вынудил прибалтийские государства подписать с СССР пакты о взаимопомощи, по которым туда были введены советские войска. Затем наступила очередь Финляндии. 27 ноября 1939 года Москва уведомила мир о том, что днем ранее финская артиллерия обстреляла советские войска у поселка Майнила. До сих пор неясно, кто именно пострадал от артиллерийского обстрела: то ли красноармейцы одного из полков 70-й стрелковой дивизии, дислоцированной вблизи финской границы, то ли группа пограничников. Финское правительство отвергло обвинение, сообщило, что, по наблюдениям финских пограничников, огонь велся с советской стороны, и предложило совместно расследовать инцидент. Москва, естественно, отказалась. Расследование не было нужно советским властям. Они и без него точно знали, что по советским солдатам стреляли из советских же пушек, по сути дела, повторяя операцию СС в Гляйвице, случившуюся тремя месяцами ранее.

Как бы то ни было, 30 ноября 1939 года советские войска вторглись в Финляндию, а на следующий день Москва сообщила об образовании Народного правительства Финляндской демократической республики во главе с видным деятелем Коммунистического интернационала Отто Куусиненом.

Вячеслав Молотов подписывает договор о взаимопомощи и дружбе с правительством Куусинена. За ним стоят (слева направо): А. А. Жданов, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, О. В. Куусинен (глава марионеточного правительства «Финляндская Демократическая Республика»). Москва, 2 декабря 1939 года.

Погибшие красноармейцы и финские солдаты у разбитой советской колонны 44-й стрелковой дивизии на Раатской дороге. За разгром дивизии ее командир Виноградов и начальник штаба Волков были отданы под трибунал и расстреляны перед строем. Финляндия, январь 1940 года. Национальный архив Нидерландов.

Последнее немедленно подписало с СССР Договор о взаимопомощи и дружбе. В Москве было объявлено о бегстве настоящего финского правительства в неизвестном направлении. Из нескольких тысяч финских граждан, захваченных на территориях, оккупированных советскими войсками, попытались создать некие комитеты Народного правительства. Когда эта затея провалилась, они были отправлены в ГУЛАГ. 106-я стрелковая дивизия Красной армии была усилена, преобразована в корпус, переименована в Финскую народную армию, передана в новую форму, по слухам захваченную в Польше, и готовилась выполнять в завоеванной Финляндии функции оккупационных войск. Среди ее рядовых были не только русские, но также финны и карелы, служившие в Ленинградском военном округе, а офицерский корпус состоял в основном из русских. Практически никто из русских солдат и офицеров этой армии финского языка не знал и учить его не хотел [4].

Кремлевские планы предполагали полную оккупацию Финляндии, приведение к власти марионеточного правительства и, в конечном итоге, ее аннексию. Однако отчаянное сопротивление финской армии, а также огромные потери советских войск — более 125 тысяч убитых и пропавших без вести, около 250 тысяч раненых, обмороженных и больных — вынудили Сталина отказаться от аннексии Финляндии. Тем не менее, трехкратный перевес в личном составе и подавляющее превосходство Красной армии в тяжелых вооружениях и авиации заставили Хельсинки согласиться с потерей крупных территорий на Карельском перешейке и Выборга, второго по величине города страны.

То, что не удалось в отношении Финляндии, было реализовано в Прибалтике. Летом 1940 года Советский Союз аннексировал Латвию, Литву, Эстонию. В июне под видом учений войска Ленинградского, Калининского и Белорусского военных округов были сосредоточены на границах прибалтийских государств. Их правительствам был предъявлен ультиматум — передать власть новым просоветским правительствам и допустить на свою территорию дополнительные контингенты совет-

ских войск. Ультиматумы были приняты. Новые правительства легализовали коммунистические партии, под контролем НКВД были проведены парламентские выборы, на которых, что не удивительно, победу одержали коммунисты. Вновь избранные парламенты послушно проголосовали за вступление в СССР. Началась форсированная советизация, в том числе массовые репрессии и депортации.

Еще проще Кремль поступил в отношении Румынии, оторгнув от нее Бессарабию, ныне Молдову, и Северную Буковину. В июне 1940 года на румынской границе были сосредоточены колоссальные силы: 40 пехотных и кавалерийских дивизий, 11 танковых бригад, три воздушно-десантные бригады и так далее. Получив подтверждение из Берлина, что германское правительство «в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией», Молотов сообщил румынскому послу, что в 1918 году Румыния «нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами», с Советской Украиной. Теперь же СССР намерен «восстановить справедливость» и вернуть себе эти земли. В Бухаресте поняли, что рассчитывать на помощь Германии не приходится, подчинились силовому диктату и потеряли 17 процентов территории с населением около четырех миллионов человек.

ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Эти факты хорошо известны. Однако каноническая версия причин Второй мировой войны их не то чтобы игнорирует, но не всегда адекватно интерпретирует. В тысячах книг многократно повторяется, что, придя к власти в Германии в 1933 году, нацисты стали последовательно осуществлять свою программу строительства «тысячелетнего рейха», новой мировой империи германской нации. Берлин отказался от статей Версальского договора, жестко ограничивавших немецкие вооруженные силы; захватил Рейнскую область; присоединил Австрию;

аннексировал Судетскую область, а в марте 1939 года оккупировал то, что осталось от Чехословакии. Ведущие европейские демократии, Франция и Великобритания, надеясь умиротворить Гитлера, смотрели сквозь пальцы на нацистскую экспансию, а в случае с Чехословакией — открытую агрессию. Осенью 1938 года в Мюнхене они дали согласие на отторжение Судет. И лишь только в сентябре 1939 года нехотя объявили войну нацистской Германии в ответ на вторжение в Польшу. Все это сомнений не вызывает.

Сомнения вызывает другое. На протяжении многих лет после окончания Второй мировой войны в исторической и политической литературе доминировало представление о Советском Союзе как о жертве неспровоцированного нападения нацистской Германии. Пакт Молотова—Риббентропа до сих пор нередко рассматривается как вынужденный, но оправданный шаг Сталина с тем, чтобы выиграть время и подготовиться к отражению немецкого вторжения. Агрессия против Финляндии, аннексия прибалтийских государств и Бессарабии объясняются стремлением обеспечить Советскому Союзу на западе надежные границы, создать стратегическое предполье, своего рода зону безопасности. Такая трактовка событий 1939—1941 годов сложилась сразу после поражения нацистов. Она во многом основана на решениях Нюрнбергского трибунала, возложившего всю ответственность за развязывание войны на гитлеровское руководство.

Гитлер и его приближенные, действительно, несут ответственность за все ужасы, пережитые человечеством в 1939—1945 годах. Но ведь не только они одни. К тому же на процессе в Нюрнберге практически все неудобные для держав-победительниц вопросы, прежде всего, связанные с политикой СССР в 1939—1941 годах, были исключены из рассмотрения. В российских исторических публикациях неслучайно воспроизводится высказывание доктора исторических наук Юрия Жукова, кстати, большого поклонника Сталина: «Недаром же на Нюрнбергском процессе наша делегация заключила с американской, английской и французской делегациями

джентльменское соглашение: они не вспоминают о пакте 1939 года, мы — про Мюнхенский сговор» [5]. Назвать такую договоренность джентльменской трудно. На деле западные державы помогли Сталину спрятать концы в воду.

Вернемся к фактам. К осени 1940 года, годовщине пакта Молотова—Риббентропа, закончилась первая фаза Второй мировой войны. Сталинский СССР и гитлеровская Германия разделили между собой большую часть Европы. Советский Союз снабжал своего партнера, а точнее — союзника, не только продовольствием, но и сталью, железом, углем, лесом, марганцем, нефтью, без которых невозможно было вести войну на западе. Через советскую территорию осуществлялись поставки в Германию каучука и другого стратегического сырья из Восточной Азии. Это подрывало морскую блокаду, установленную Великобританией. Немецкий флот использовал советские военно-морские базы на Кольском полуострове. Уже одного этого достаточно, чтобы признать СССР ответственным, наряду с Германией, за развязывание Второй мировой войны.

К этому стоит добавить, как пишет известный российский историк Марк Солонин, что «именно у Сталина летом 1939 года была самая большая сухопутная армия в мире. По числу дивизий и людей — в 2,5 раза больше, чем у Гитлера. По количеству боевых самолетов — в три раза больше. По числу танков — в три раза больше, чем у Германии, Франции и Англии вместе взятых. Это не оценочное суждение, это факты. Именно Сталин в августе 1939 года решал, быть войне или нет. И если бы Сталин объяснил Гитлеру, что миллион советских «добровольцев» с десятком тысяч танков двинется на Запад на следующий день после того, как Гитлер посмеет нарушить границу Польши, то никакой войны и не было бы» [6].

Роль Советского Союза в развязывании Второй мировой войны стала пересматриваться в конце 1980-х годов, после публикации ставших сенсацией книг Виктора Суворова, бывшего советского разведчика, ушедшего на Запад. Опираясь на цифры и факты, он доказал, что Сталин готовился к нападению на Германию в июле 1941 года.

После подписания Мюнхенских соглашений. Слева направо: премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, премьер-министр Франции Эдуар Даладьё, рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер, премьер-министр Италии Бенито Муссолини, министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано. 30 сентября 1938 года.

С этой целью в приграничных военных округах СССР было развернуто в несколько раз больше танков, артиллерии, боевых самолетов и так далее. И, главное, советские дивизии первого эшелона, в том числе главная ударная сила Сталина — механизированные и танковые корпуса, а также огромные запасы вооружения и горючего, были сосредоточены на острие двух выступов — Львовского и Белостокского, глубоко вдававшихся в оккупированную немцами часть Польши. Такая дислокация войск идеально подходила для мощного броска на запад, но одновременно делала советские войска крайне уязвимыми в случае немецкого наступления. Так оно и произошло: в первые же дни советско-германской войны сходящимися ударами с флангов ударные группировки Сталина были окружены и разгромлены. В этом одна из причин сокрушительного поражения Красной армии летом 1941 года.

Действия СССР в 1939—1941 годах были далеко не случайными. Советская Россия готовилась к войне в Европе с конца 1920-х годов. К этому времени в Кремле убедились, что прежняя стратегия развязывания коммунистических революций провалилась. Курс был взят на создание мощной армии, способной завоевать Европу, а затем водрузить огромное красное знамя над всем земным шаром. К середине следующего десятилетия в СССР были построены гигантские танковые, авиационные и другие военные предприятия, спроектированные западными, главным образом, американскими инженерами и архитекторами. Они были оснащены самым передовым по тогдашнему времени оборудованием, купленным в США и Европе. Для того чтобы расплатиться за это, тогдашние власти Советского Союза ограбили, уморили голодом и выслали в Сибирь миллионы крестьян. Бежавшие от ужасов коллективизации деревенские жители практически бесплатно трудились на постройке военных заводов, а затем работали на них. Оставшиеся в деревне были согнаны в колхозы. Светлое будущее, обещанное народу большевиками, оказалось новым рабовладельческим строем. Но Сталин и его генералы получили тысячи танков, самолетов, артиллерийских орудий. Однако воевать со всей Европой было

слишком рискованно. Стратегия Сталина была нацелена на разжигание войны между ведущими европейскими государствами — Германией, Францией и Великобританией — с тем, чтобы, когда они исчерпают силы в схватке друг с другом, «малой кровью и могучим ударом» подчинить себе Европу. Слов нет, задумка была хороша, но... Гитлер успел ударить первым.

МЮНХЕНСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Официальные российские историки не отрицают сегодня ни секретных протоколов, приложенных к пакту Молотова—Риббентропа, ни того, что этот пакт неприемлем с моральной точки зрения, а в практическом плане не спас Красную армию от разгрома в 1941 году. Но, говорят они, советско-нацистские соглашения 1939 года были не более чем логическим следствием Мюнхенского диктата 1938 года. Предавая Чехословакию, Париж и Лондон стремились отвести от себя нацистскую агрессию, направить ее на восток и столкнуть друг с другом сталинский СССР и гитлеровскую Германию. У Сталина же не было иного выхода, кроме как самому договориться с Гитлером.

Мюнхенский диктат, действительно, сыграл важную роль в политической подготовке Второй мировой войны. Он убедил Гитлера в мягкотелости западных демократий и тем самым подтолкнул его к дальнейшей агрессии. Но советская, а ныне — официальная российская интерпретация разыгравшихся осенью 1938 года событий далека от реальности. Прежде всего, если бы французская и британская дипломатии стремились столкнуть Гитлера и Сталина, то они должны были бы подталкивать Гитлера к агрессии против Польши, а не против Чехословакии, поскольку последняя не имела общей границы с Советским Союзом. Для войны с СССР Германия должна была оккупировать не Чехословакию, но Польшу, откуда можно нанести удар по трем направлениям: на юго-восток в сторону Киева и Одессы, на запад по линии Минск—Москва и на северо-восток в сторону Ленинграда. Собственно, именно так и произошло

летом 1941 года. Однако в сентябре 1939 года Франция и Великобритания, объявив войну Германии, не только не подтолкнули ее к дальнейшему движению на восток, но, наоборот, оттянули на себя немецкие войска, которые теоретически могли в тот момент ударить по СССР. Это, впрочем, никоим образом не снимает с Парижа и Лондона исторической ответственности за судьбу Чехословакии и, одновременно, в очередной раз доказывает бессмысленность политики умиротворения агрессора.

Но это лишь часть проблемы. Другая, не менее важная, состоит в том, какую роль сыграл СССР в Мюнхенском кризисе. Об этом историки спорят до сих пор. Одна версия заключается в том, что Сталин искренне хотел спасти Чехословакию, в том числе даже оказать военную помощь в одностороннем порядке, однако президент Бенеш под давлением Парижа и Лондона не рискнул ее принять. Эту версию с самого начала активно распространяли чехословацкие коммунисты. Другие считают, что Москва лишь имитировала внешнеполитическую активность, тогда как реальной возможности оказать влияние на развитие мюнхенского кризиса у нее не было. Третьи полагают, что Кремль пытался использовать судетский кризис, чтобы спровоцировать большую войну в Европе.

Действительно, летом и осенью 1938 года Москва публично требовала, чтобы СССР, Англия и Франция совместно предупредили Гитлера, что в случае нападения Германии Чехословакии будет оказана военная помощь. СССР, заявляли советские дипломаты, окажет Чехословакии любую помощь, если, разумеется, Франция выступит на ее защиту, как это обусловлено договором 1935 года. Расчет был прост: в этом случае немецкая армия будет вовлечена в тяжелые бои с превосходящими ее тогда французскими силами, а СССР получит законное право направить свои войска в Чехословакию, стратегический центр Европейского континента.

Одновременно через чехословацких коммунистов Москва убеждала Прагу, что СССР окажет Чехословакии военную помощь в любом случае. В частности, Готвальд публично утверждал, что Сталин обещал «помочь Чехословакии один, даже если Франция так не поступит... и даже если Польша и Румыния откажутся позволить проход советских войска». Эти слова были переданы им президенту Бенешу [7]. Обычно считается, что Готвальд просто выдумал эту историю. Исключать этого нельзя. Но столь же вероятно, что Сталин, действительно, говорил ему нечто подобное, чтобы подтолкнуть Бенеша к вооруженному сопротивлению и, соответственно, к войне в Европе. Достоверно известно лишь, что чехословацкая Компартия осенью 1938 года активно распространяла листовки, в которых гово-

рилось, что СССР не оставит Чехословакию без помощи, если Франция откажется от своих обязательств.

Обещать такую помощь Сталин мог. Но хорошо известно, что оказывать ее он не собирался: в этом случае СССР оказался бы один на один с Гитлером. В конце сентября Бенеш несколько раз запрашивал Москву, окажет ли СССР военную помощь или нет. Так, в самый острый момент кризиса, в 9 часов 30 минут утра 30 сентября, за два часа до принятия англо-французского ультиматума, Бенеш в последний раз задал советскому послу Александровскому вопрос: следует ли Чехословакии воевать или капитулировать? Александровский отправил соответствующее сообщение в Москву только в 11 часов 45 минут. А в 12 часов заседание правительства, на котором был принят Мюнхенский диктат, завершилось. Ответ на вопрос Бенеша был дан в Москве только 3 октября. Посол Зденек Фирлингер сообщил, что Кремль критикует решение Чехословацкого правительства капитулировать и что Советский Союз пришел бы на помощь Чехословакии «при любых обстоятельствах». Но это была ложь.

Таким образом, похоже, прав Марк Солонин. «Москва, — пишет он, — старалась своими лживыми обещаниями помощи спровоцировать (Прагу — Авт.) на принятие максимально жесткой, бескомпромиссной линии поведения. В сочетании с тем, что „по другую сторону судетских баррикад“ находился еще более амбициозный и сумасбродный противник, надежда Сталина на то, что война между Германией и Чехословакией станет неизбежной, представляется вполне обоснованной. А если и когда такая война начнется, Франции придется вступить в нее». Однако «Чемберлен и Даладьё успели „соскочить с поезда, идущего под откос“ раньше, чем на германо-чешской границе прозвучали первые оружейные залпы» [8].

А В ЧИСТОМ ПОЛЕ СИСТЕМА «ГРАД»

События, происшедшие 75 лет назад, представляют интерес не только для любителей истории. Аннексия Крыма и вторжение российских войска в Донбасс возродили угрозу большой войны в Европе. Аналогии с концом 1930-х годов напрашиваются сами собой. Политики, как, впрочем, и обычные люди, далеко не всегда учатся на ошибках своих предшественников. И потому вновь и вновь встают вопросы — не могут ли похожие ошибки повториться еще раз? К чему приводят попытки умиротворения агрессора? Что важнее: ценности или интересы, когда речь идет о войне и мире? Вопросы эти далеко не риторические. От ответов на них зависит будущее Европы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Вилен Люлечник. Вторая мировая: неизвестные страницы. 19 февраля 2012 года. — ledokol-ru.livejournal.com/434741.html

[2] Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В. М. Молотова о внешней политике Правительства на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года. — doc20vek.ru/node/1397

[3] О. А. Горланов, А. Б. Рогинский. Об арестах в западных областях Белоруссии в 1939—1941 гг. Репрессии против поляков и польских граждан. Польская комиссия Общества «Мемориал». — www.memo.ru/history/POLAcY/TABLES-2.htm; там же — www.memo.ru/history/POLAcY/G2T30697.htm

[4] С. Г. Веригин. Формирование и боевые действия Финской народной армии (ФНА) в зимней войне 1939—1940 годов. История государства. 14 октября 2010 года. — statehistory.ru/1262/Formirovanie-i-boevye-deystviya-Finskoy-narodnoy-armii-FNA-v-zimney-voyne-1939-1940-godov/

[5] Авторы-составители Николай Ефимов, Александр Бондаренко. Горькое лето 41-го. Москва. 2011. Стр. 12.

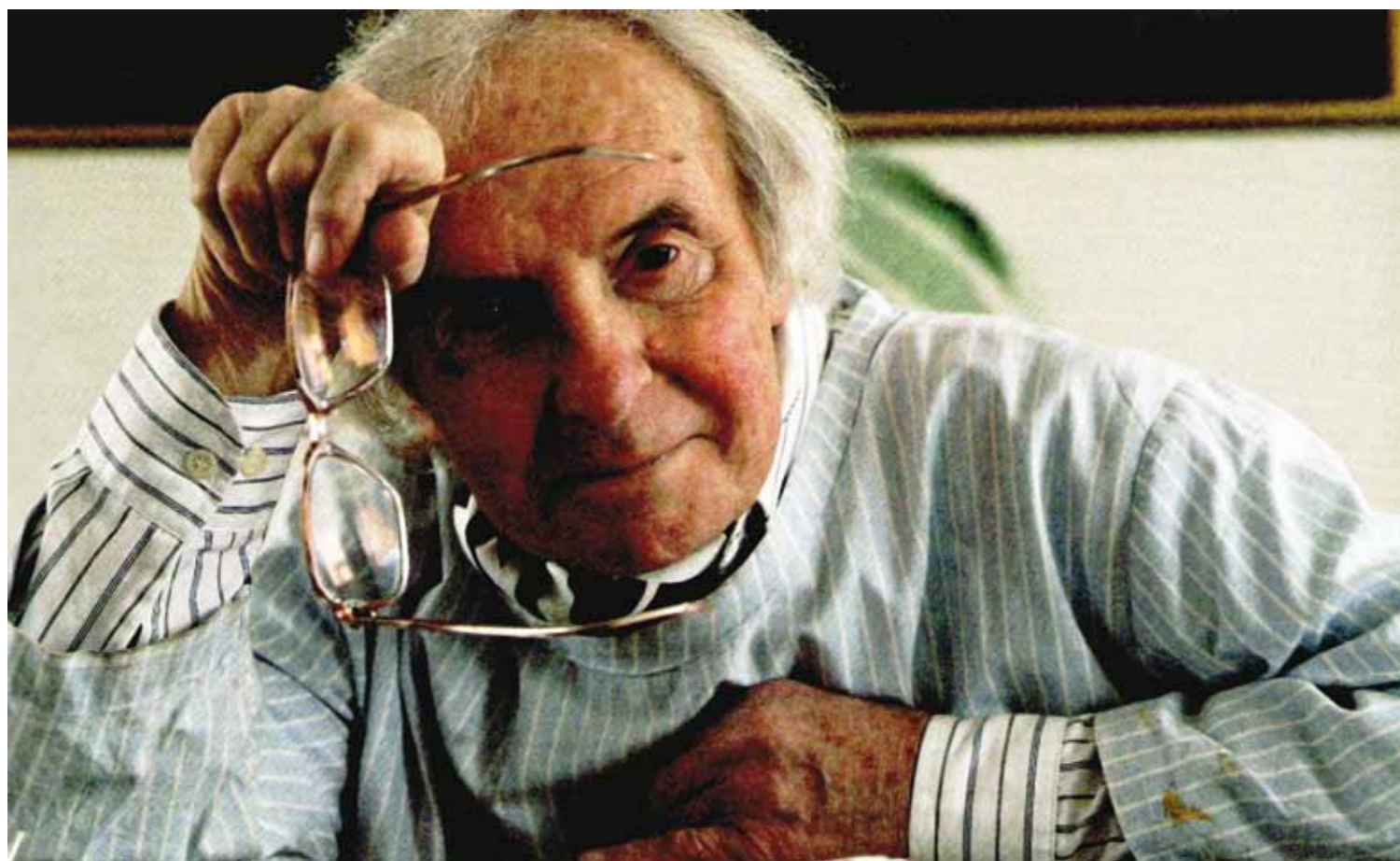
[6] www.solonin.org/new_stalin-ne-planiroval-napadat

[7] Igor Lukes. Czechoslovakia between Stalin and Hitler. The Diplomacy of Edward Benes in the 1930. 1996. Oxford University Press. P. 256.

[8] Марк Солонин. Судетский кризис. Первая попытка. — www.solonin.org/article_sudetskiy-krizis-pervaya

ЕКАТЕРИНА СТАШЕВСКАЯ

ЯРОСЛАВ ШЕРИХ: ПОИСК ПРАВДЫ И КРАСОТЫ

Каждый из нас в свой жизненный путь получает то, что Библия называет талантом, гривной. Мы снабжены даром и поручением. Мне выпал огромный шанс идти по жизни художником. Быть художником — невероятное приключение, неустанное, ежедневное познание мира, но и ежедневная обязанность свои знания изображать.

Ярослав Шерих

В марте этого года не стало Ярослава Шериха (1928—2014) — одного из виднейших чешских художников современности, чей вклад в жанр лирической абстракции является уникальным. Всем своим творчеством Ярослав Шерих старался прославлять добро и веру в высшую божественную силу, которая одновременно живет в каждом из нас и является для нас недоступной, сокрытой. Лирические абстракции Шериха стараются произнести то, что нельзя осознать логическим путем, что возможно рассмотреть лишь в удивительном сочетании красок и их оттенков, их взаимных наложениях, плавных переходах и разрывах. Нотки божественности в изобразительном искусстве могут быть переданы только через одну вещь — красоту. Именно поэтому Ярослав Шерих часто повторял, что потаенной целью его работы является красота картины. «Чувствительный зритель ее прочитает сразу, для этого даже не нужно знать, о чем картина повествует, на восприятие красоты он настроен всегда».

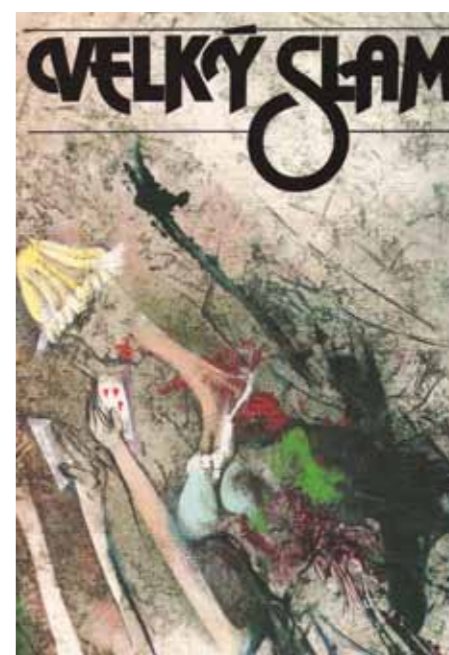
Помимо живописи, Ярослав Шерих посвятил себя также графике и иллюстрированию. Список чешских и иностранных книг, текст которых сопровождается его иллюстрациями, насчитывает более 130 заглавий. Работал он над такими авторами, как Ромен Роллан, Франтишек Галас, Шарль Бодлер, Карел Гинек Маха, Владимир Голан, Иван Дивиш, Вацлав Данек, Богуслав Рейнек и многими другими. Нельзя не упомянуть и русских авторов, чьи книги Шерих когда-то проиллюстрировал. Это Иван Алексеевич Бунин (чешское название сборника рассказов — *Tvé jména je žena*, 1980), Константин Георгиевич Паустовский (*Košík smrkových šišek*, 1981), Николай Семенович Лесков (*Ostrované*, 1981) и Леонид Николаевич Андреев (*Velký Slam*, 1987). Шерих вспоминал: «Книга меня привлекла еще во время учебы в Академии. В группу художников-иллюстраторов я вступил своей первой проиллюстрированной книгой „Цветы зла“ Шарля Бодлера».

К поэзии у Ярослава Шериха было особое отношение, поскольку, как он говорил, стихи близки музыке, которая для него была так необходима. «Лирические исповеди стоят ближе всего к исповеди моих картин. Именно поэтому я так люблю работать с поэзией. Ее иллюстрирование тесно связано с рисунком, который представляет собой наиболее интимное, камерное проявление художника. Рисунком, его структурой и мелодией раскрывается поэтическая величина автора».

Кроме поэзии и серьезной прозы Ярослав Шерих иллюстрировал детские сказки, причем сказки были собраны со всего света: китайские, японские, французские, сказки братьев Гримм...

Ярослав Шерих. Идущий неведующий (*Jdoucí nevědoucí*). Комбинированная техника, холст. Размер 125 x 89 см. Коллекция автора.

Обложка книги Леонида Андреева. 1987 год.

Президент Чешской Республики Вацлав Клаус награждает медалью «За заслуги» 2-й степени художника Ярослава Шериха. Прага, 28 октября 2008 года. СТК / Michal Doležal.

Обложка книги индонезийских сказок была в 1979 году признана самой красивой обложкой в мире. К иллюстрированию сказок Шерих подходил с особым трудолюбием: перед тем, как начать работу, он изучал местные традиции и обычаи, нравы отдаленных народов, элементы одежды и предметы домашнего обихода.

Ярослав Шерих никогда не хотел изображать экзистенциальные и моральные падения, через которые прошло и его поколение, в своих работах он всегда обращался к добру, хранящемуся в каждом из нас. Его творчество тяготело к внутренней радости, которая должна наполнять все наши действия. «И здесь появляется надежда — основной принцип жизни. Человек, которого переполняет надежда, располагает внутренней радостью. Если бы у нас не было надежды, мы бы потеряли волю к жизни». Художественный принцип своей работы Ярослав Шерих описывает так: «Я наслаиваю изображения, и появившаяся на некоторых полотнах трехмерность должна вызвать ощущение новых измерений и пространств. Так я стараюсь изобразить и незримые миры, духовные послания и намеки, которые для меня особенно важны. Работу над картиной можно назвать тектонической, строительной и созерцательной. Свои картины я строю и наслаиваю, долго их обдумываю, поэтому они постепенно становятся самобытными. Законченная картина потом обращается и ко мне, автору, нашептывает мне новые визуальные идеи».

Для нахождения диалога между миром таинственным, духовным и повседневной реальностью Ярослав Шерих использовал не только краски, но и другие, менее привычные средства. Среди них были слоновая кость, эмаль, медь, путем нагревания видоизмененные искусственные материалы, мозаика...

Интерпретация отдельных произведений Шериха довольно непроста, поскольку все компоненты построения картины находятся исключительно в художественной плоскости, создавая в итоге неразрывное целое. Названия полотен служат, скорее, проводником в сферу возможных толкований, направляют вектор созерцания и погружения в образ. В картинах Ярослава Шериха всегда заложено гораздо больше смысла и дополнительного высшего послания, чем возможно выразить вербально посредством названий. Художник часто осознает тщетность комментариев и полагается на емкий и самодостаточный язык изобразительного искусства. В этом случае у зрителя появляются дополнительные возможности дешифровки. Творчество Шериха направлено, в первую очередь, на человека, который ни в коем случае не может быть заменен другим, которым нель-

зя ни при каких условиях пренебречь, так как он по-своему уникален и в нем с рождения живет частичка божественного, добро и красота. Создавая лирические абстракции, художник пытается хотя бы на миг заглянуть в область непостижимого и прикоснуться к чуду. Чаще всего своим работам Ярослав Шерих давал библейские названия (из Ветхого и Нового Заветов), а также названия, отсылающие нас к внутренним состояниям человека, к предназначению индивидуума, связи живых существ и отдаленных времен и расстоянием мест, смысловому содержанию поэзии. Здесь художник старался отобразить и осознание собственной судьбы, главным образом, творческой.

Для Ярослава Шериха особенно важной была работа со светом — как в живописи, так и графических работах, иллюстрациях. Его присутствие сильно проявилось в последние десятилетия творчества художника. Вездесущность светлых оттенков обоснована желанием дотянуться до невысказываемого, исключительно духовного источника.

Живопись Ярослава Шериха — неустанные поиски правды. Правдивость изобразительного искусства — это не просто жажда гармонии и конечного счастья, но и взгляд в противоположную сторону, способность быть чутким к трагизму человеческой судьбы, порокам, деформациям. «Утешающая красота живописи смогла бы лишь на какое-то время избавить человека от экзистенциальных катастроф, грубые структуры и натурализм формы нас сразу же возвращают к горькой правде жизни». В итоге возникает уравновешенное сочетание фантазийного идеализма с беспощадной, критичной аналитичностью. Именно поэтому картины Шериха всегда такие трудоемкие, они собраны из множества слоев, аллюзивны и осязательно конкретны.

Начиная с 60-х годов Ярослав Шерих участвовал в десятках индивидуальных и коллективных выставок в Чехословакии/Чехии и за ее пределами. Его произведения хранятся не только во многих чешских галереях, но и в Дрездене, Нью-Йорке, Вашингтоне и Ватикане.

Однажды Ярослав мне сказал, что у одного лишь красного цвета более пяти тысяч оттенков и что мы крайне редко видим одни и те же краски. С таким повышенным вниманием к малейшим вариациям окружающего нас мира, с трепетным наблюдением за неповторяющимися кривыми, с уважением к невидимым слоям и сферам жил мастер Ярослав Шерих.

«Я один из тех счастливых людей, получивших необыкновенный дар — умение высказываться визуально, образно. Моя исповедь порождена восхищением подаренной нам жизни на этой удивительной планете, ее тайным смыслом».

Ярослав Шерих. Не дотрагивайся (Noli me tangere/Nedotýkej se). Комбинированная техника, холст. Размер 220 x 160 см. Коллекция автора.

Ярослав Шерих. Песня брату Солнцу (Píseň bratru Slunci). Комбинированная техника, холст. Размер 135 x 144 см. Коллекция автора.

Ярослав Шерих. Проникновение из Эдена (Průnik z Edenu). Комбинированная техника, холст. Размер 145 x 145 см. Коллекция автора.

Ярослав Шерих. Запись грезящей души (Zápis básnivě duše). Комбинированная техника, холст. Размер 115 x 115 см. Частная коллекция.

АЛЕКСАНДР ЛАЙКО
МАРИНА НАУЙОКС
ФОТО: ЛИЧНЫЙ АРХИВ
ЕВГЕНИЯ ДЕНИСОВА

ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ САМУРАЕВ

Трудно найти более неподходящее время, чтобы вспоминать о благородных и бескорыстных мушкетерах, самураях и прочих виконтах де Бражелонах.

Россия погружается в сон разума, интеллигенция молчит, оппозиция разгромлена. Недавно одна за другой ушли из жизни две женщины, наполнявшие сегодняшний день некоторым нравственным смыслом, причем как бы с двух противоположных сторон — с фронта и тыла. Нет больше последнего романтика революции Валерии Новодворской, нет больше мамы Михаила Ходорковского. Им было трудно с нами. Говорю «с нами», так как «все мы народ», по хорошо известным словам Антона Павловича Чехова. И вина за ГУЛАГ, Афганистан, Чечню и Беслан, за скатывание в последние десятилетия от едва народившейся попытки демократии к тоталитаризму — вина всех нас, вина народа.

Но всегда существовали люди, пусть в меньшинстве, находившие в себе силы противостоять бесчеловечной и удушающей власти, своим примером доказывая, что человек — существо свободное. Так, в дни оккупации Чехословакии советскими войсками нашлось несколько человек, вышедших к Лобному месту на Красной площади с протестом, жертвуя собой, но показав миру, что не весь народ безмолвствует. А сколько среди этого меньшинства протестантов, неизвестных нам людей, перемолотых втихую лагерями и психушками?

Еще будучи в Москве, в середине 80-х, я слышал, как в автобусах и метро пассажиры опасливо шушукались о том, что в ГУМе, в самом большом и престижном универсаме столицы, расположенном на Красной площади, кто-то разбросал листовки с протестом против войны

в Афганистане. Мог ли я подумать тогда, что с этим человеком встречу через много лет в Берлине?

С Евгением Денисовым по просьбе русско-немецкого журнала «Студия» (Studio) беседует Марина Науйокс, известная переводчица классической и современной немецкой поэзии на русский язык.

МАРИНА НАУЙОКС:

— Не знаю, зачем я взялась за это интервью. Наверно, хотелось поговорить о той, нынче совсем редкой, породе людей. Рядом со мной в эмиграции, в Берлине, живет скромный немногословный человек — Женя Денисов, существующий в какой-то своей ауре, думает, читает, пишет стихи и рассказы. Он напоминает мне героя японского фильма — последнего солдата императорской армии, забытого на посту и не знавшего, что его война закончилась, что все со всеми помирились и что ценности, которые он все еще защищает, на его родине уже давно и во многом обесценились. Мушкетер-

ский призыв «Один за всех!» утонул в гуле современной жизни, в повседневной суете. Мушкетерского ответа «Все за одного!» так и не прозвучало.

М. Н.: Женя, а почему именно себя вы почувствовали ответственным за умонастроения соотечественников во время войны в Афганистане? Вы были «дежурным по стране»?

Е.Д.: Я родился в Душанбе. Свободно говорю на таджикском языке, очень близком к широко распространенному в Афганистане языку дари. Короче — я был лучше информирован об этой войне, чем читатели лживых статей в центральных советских газетах, отчетливо видел ее бессмысленность и безрезультатность. Мне доводилось часто встречаться с людьми, которые побывали в эти годы в Афганистане, включая воевавших там солдат и офицеров. Говорил и с коллегой-французом, который был в Кабуле как раз в те дни, когда Советский Союз начал вводить туда свои войска.

М.Н.: Как же созрело ваше решение выступить против этой войны?

Е.Д.: Я археолог. Осенью 1984-го года вел раскопки Каменного городища на границе с Афганистаном, там, где Пяндж сливается с Вахшем. Слышал взрывы, над головой пролетали вертолеты с подвешенными металлическими сигарами — на той стороне советские войска вели бои с ополченцами. Эта война стала для меня видимой, осязаемой. Как попытаться защитить наших мальчишек-солдат, их матерей — долго ломал голову... А в чем виновны афганцы? Почему они должны погибнуть? Пусть хоть одного солдата минует смерть — уже ради этого стоит бороться. Я убедился, что, если в этой ситуации ничего не сделаю, перестану себя уважать.

М.Н.: И вы решили пожертвовать собой, чтобы попробовать переломить ситуацию?

Е.Д.: Да, даже такой ценой. Мне было необходимо выговориться, действовать. Жанна услышала свои голоса. Но агонизирующий совок не смог даже костер разжечь как полагается — обожгли, но не убили.

М.Н.: Как все происходило в ГУМе, как вас арестовали?

Е.Д.: Я долго готовился, в течение года дома печатал листовки с призывом прекратить войну в Афганистане. Пошел в ГУМ и там с переходов верхней галереи разбросал свои листовки. Другой текст, обращенный к интеллигенции с призывами к борьбе за изменение общественной системы в стране, вместе с первым бросил в почтовые ящики по дороге к ГУМу — разослал московским редакциям, послал такие же письма и нескольким моим друзьям. В ГУМе, казалось, никто меня не видел, когда разбрасывал листовки — мог уйти. Но остался стоять. Во-первых, потому, что был уверен: все равно по листовкам КГБ сможет определить, на какой машинке печатал. Кроме того, неприятно было вести себя, как мелкий воришка. Уж потом прибежала работница ГУМа, закричала: «Хватайте, держите!» Появился милиционер. А дальше — все «как положено»: тюрьма, полгода спустя — суд.

М.Н.: После тюрьмы и отсидки в психушке система разжала свои челюсти, и вы оказались на свободе. Удалось даже выехать в Германию.

Е.Д.: Да, в декабре 90-го приехал в гости к знакомой семье, жившей в Западном Берлине, и остался. Немалую роль в принятии этого решения сыграли тревожные вести с родины. Уже было ясно, что коммунисты-консерваторы попытаются взять реванш. А в 1989—90-м годах в душанбинской печати появилось несколько моих статей, подборок стихов и интервью в поддержку перестройки. При мысли, что, вполне возможно, предстоит снова сидеть за решеткой, сейчас, когда только что оттуда выбрался, делалось неуютно.

М.Н.: И вы не ошиблись в ваших прогнозах...

Е.Д.: Дело не только в путче ГКЧП. Вернись я в Душанбе, вряд ли остался бы в живых и не беседовал бы сейчас с вами. В мае 1992 года в Таджикистане началась Гражданская война, продолжавшаяся более пяти лет. Однажды приехавшая в эти годы из Душанбе землячка,

с которой начал было говорить по-таджикски, воскликнула: «О, если бы мы сейчас были на улице в Душанбе и тебя услышали, то тотчас же убили — у тебя же южнотаджикское, кулябское произношение!»

М.Н.: Скажите, Женя, а вот теперь, из вашего безопасного далека, оглядываясь назад, не чувствуете сожаления? Сколько лет оказались вырванными из жизни, года три?

Е.Д.: Да, около трех. Сидел в «Лефортово» — московской Главной тюрьме КГБ СССР, в ташкентской спецбольнице «Чукурсай» с 1985 по 1988 г. — статья 70 УК РСФСР.

М.Н.: Ну и потом — эхо на всю жизнь. Постановка вопроса не совсем правильная, и тем не менее: вот вы сегодняшний, прошедший через это аутодафе, как бы вы поступили сейчас, если какой-то факт, какое-то впечатление оказались бы столь же обжигающими, как тогдашнее соседство с афганской войной?

Е.Д.: Поступил бы, по сути, так же, но в каких-то новых предлагаемых обстоятельствах. Хотя гебешников, конечно, в открытом столкновении не переиграть. Ломать людей за это время они, наверняка, научились еще лучше. Если спросить, пошел бы я в ГУМ, окажись снова в семьдесят пятом году, то, конечно, ответил бы «да», хотя в этот раз уж наверняка продал бы себя подороже.

Последние годы иногда сомневался, правильно ли сделал, что добровольно сдался после дела. Не следовало ли поиграть подольше с КГБ в кошки-мышки? Но весной 2006 года в Берлин

приезжал известный правозащитник Эдуард Кузнецов, пытавшийся в 1970 году организовать угон самолета с пассажирами из Советского Союза в Израиль. На встрече с берлинскими эмигрантами из бывшего Союза он сказал, что подобная игра в кошки-мышки с органами КГБ совершенно бесполезна. Все равно, мол, безусловно, найдут. Так что, видимо, все верно, и жалеть не о чем. Сомневался также, не следовало ли было вообще отказать отвечать на какие-либо вопросы следователей, без возможности делать дополнения и корректуры в протоколах допросов. Но, наверняка, у следователей в их арсенале было достаточно приемов «примочек», чтобы ломать людей. Так что, сожалеть о чем-либо явно не следует.

М.Н.: Правильно ли я понимаю, что вы бы действовали по принципу: «Делай, что должно, и будь, что будет»?

Е.Д.: Во всяком случае, мне очень симпатичен этот принцип.

М.Н.: А что, Женя, было все-таки во всей этой истории что-то светлое? Вот у вашего полутезки Ивана Денисовича...

Е.Д.: Ну, конечно, было. Когда меня везли в июне 1985-го года по этапу в «столыпине» из Москвы в Куйбышев, ныне уже Самару, стояла солнечная погода. Проплывали в окне леса, реки, деревушки... На какой-то большой станции увидел девушку, стоявшую на ступеньке вагона соседнего скорого поезда. Ее взгляд вдурно останавливается на нашем вагоне. Сначала равнодушно-непонимающий, а потом, когда дошло, кого везут — такой живой, сострадающий. До сих пор прошибает.

М.Н.: В конце беседы хочется привести одно из последних стихотворений Евгения Денисова. Мне оно нравится.

*Хорошо быть археологом —
помимо своей квартиры,
у него есть еще одна комнатка —
эпоха, которой он занимается!*

*Хорошо быть археологом —
ему есть с чем сравнить свой возраст!
И это помогает, старея,
не слишком расстраиваться.*

*Ведь археолог и в семьдесят
иногда кажется себе
неприлично молодым.
Что такое семьдесят
по сравнению с семью веками,
а тем более — тысячелетьями?!* ■

СЕРГЕЙ ВОРОНКОВ, ДМИТРИЙ ПЛИСЕЦКИЙ
ФОТО: АРХИВ СЕРГЕЯ ВОРОНКОВА И ГЕННЫ СОСОНКО

ПОКАЯНИЕ ЛЮДЕКА ПАХМАНА

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЗНАМЕНОГО ЧЕШСКОГО
ШАХМАТИСТА, ЛИТЕРАТОРА
И ПРАВООЩИТНИКА

В декабре 1989 года, на пике Бархатной революции в Чехословакии, авторам этой публикации довелось побывать на Пальма-де-Мальорке, где проходил крупный шахматный турнир. Однажды мы поднимались в лифте вместе с солидным пожилым человеком с высоким выпуклым лбом и пронзительным взглядом из-под роговых очков. Когда двери лифта открылись, он, прихрамывая и опираясь на трость, двинулся к игровому залу. Лишь тут мы догадались, что это легендарный Людек Пахман...

Молодой коммунист Людек Пахман еще не знает, что после подавления в 1968-м Пражской весны ему придется пройти через аресты, тюрьмы, голодовки и высылку из страны.

Дмитрий Плисецкий и Сергей Воронков — московские журналисты и литераторы, авторы двух десятков шахматно-исторических книг, написанных как совместно — «Давид Яновский» (1987; признана лучшей шахматной книгой года) и «Русские против Фишера» (2004), так и порознь. Их работы последнего времени: С. Воронков «Федор Богатырчук. Доктор Живаго советских шахмат» в 2 т. (2013); Г. Наспаров в сотрудничестве с Д. Плисецким «Мой шахматный путь» в 3 т. (2011–2014).

Гроссмейстер Людек Пахман (11 мая 1924—6 марта 2003) был не только семикратным чемпионом страны (доселе непревзойденный рекорд) и участником отборочных соревнований на первенство мира, не только прекрасным журналистом и автором капитальных трудов по теории шахмат. Он прошел долгий и тернистый путь от яркого коммуниста-готвальдовца до видного деятеля Пражской весны, политзаключенного, ревностного католика и пламенного борца за свободу — Вацлав Гавел называл его «лагерным оратором».

Взгляды и увлечения юного Пахмана формировались в семье, жившей в городке Беле-под-Бездезем. В начале Второй мировой войны, через год после оккупации Чехословакии, он опубликовал несколько шахматных задач, посвятив их старшему брату Владимиру, сидевшему за свои левые убеждения в концлагере Заксенхаузен. Да и сам Людек в 17 лет успел побывать в тюрьме гестапо... В 1943-м Пахман уже шахматный мастер, чемпион Праги и дебютант турнира с участием мировых звезд — Александра Алехина и Пауля Кереса.

В апреле 1944 года газета *České slovo* сообщила о приезде из Кракова на гастроли в Прагу известного украинского шахматиста, бывшего чемпиона СССР, профессора Федора Богатырчука. О судьбе этого удивительного человека, выдающегося ученого-рентгенолога и яркого общественного деятеля, имя которого почти полвека было вычеркнуто из советской истории, уже рассказывал на страницах «Русского слова» (№ 5, 6/2011) Сергей Воронков, автор двухтомника «Федор Богатырчук. Доктор Живаго советских шахмат» (Москва, 2013). Именно в этой книге были впервые полностью опубликованы приводимые далее письма Пахмана, причем последнее из них и вовсе никогда прежде не публиковалось.

Гость сразился с восемью лучшими чешскими шахматистами, и первым его соперником оказался Пахман. Играли вечером в помещении клуба Kaissa в отеле Palác (улица Pánská 12). Людек вел партию превосходно, но в цейтноте попал под неотразимую атаку. А полгода спустя он выпустил свою

первую книжку, всего в 35 страниц, под названием *Osm partí velmistra Bohatyrčuka* («Восемь партий гроссмейстера Богатырчука»). Ныне эта книга, напечатанная на обычной пишущей машинке, — мечта любого шахматного библиофила.

В очередной свой день рождения, 11 мая 1945 года, окрыленный победой над нацистами Людек подал заявление в партию: «Я — за мировую революцию и за социализм, поэтому прошу принять меня в ряды коммунистической партии Чехословакии». Вскоре он был уже важным идеологическим работником, читал лекции по марксизму (труды Сталина казались ему наивысшей мудростью) и решал судьбы многих людей — чешские эмигранты называли его «полковник Пахман», считая одной из зловещих фигур готвальдовского режима.

Тем временем Богатырчук, проживший в Германии четыре года на положении DP (*displaced person* — «перемещенное лицо») и эмигрировавший весной 1949-го в Канаду, выступил в английском журнале *Chess* со статьей «Шахматы красной пропаганды», где впервые открыл западному миру глаза на советские шахматы, в которых — как и во всем советском спорте — якобы одни любители и никаких профессионалов. В действительности они давно стали делом государственной важности, а все разговоры о «любительстве» — лишь дымовая завеса: «Шахматы в Советском Союзе перестали быть просто игрой, они планируются, направляются и управляются высшими коммунистическими идеологами... Они становятся инструментом большой политики».

Эта статья, ярко обнажавшая двуличие советской системы, вызвала взрыв негодования у коммунистов и их попутчиков. Особенно отличился Пахман. В своем письме в *Chess* он обрушился на врага с оголтелой бранью, всегда отличавшей большевиков. По всему было видно, что «полковник» взялся за перо не сам по себе, а по наущению «старших товарищей».

Редактор журнала Б. Вуд предположил письму аршинный заголовок: «Шахматы и коммунизм». А под ним помельче: «Ответный удар чешского чемпиона!»

Первая встреча Пахмана (стоит справа) и Богатырчука (сидит слева). Прага, апрель 1944 года.

Л. ПАХМАН — Б. ВУДУ

Дорогой м-р Вуд!

В № 6—8 вашего журнала вы опубликовали письмо бывшего хорошо известного чемпиона Украины Богатырчука. Я и другие чехословацкие мастера виделись с м-ром Богатырчуком в Праге в 1944 году и имеем теперь все основания сомневаться как в его словах, так и в его порядочности. Тогда он нам сказал, что не эмигрировал из Советского Союза. Ему якобы было приказано остаться в госпитале, когда немцы оккупировали Киев, для оказания помощи раненым, и он, по его словам, как специалист и шахматный чемпион не имел особых трудностей с немцами в своей научной и шахматной деятельности. Спустя несколько месяцев мы могли убедиться в ложности этих утверждений. М-р Богатырчук был в штабе печально известного квислинга генерала Власова (*генерал Видкун Квислинг, основатель и «фюрер» фашистской партии в Норвегии, содействовал захвату страны Германией, затем возглавлял прогитлеровское правительство Норвегии и после войны был расстрелян; его имя стало синонимом предательства. — Авт.*). Это значит, что он сделался изменником своей родины во время войны, а таких наказывают в Англии с максимальной строгостью. Ненависть изменника, сделавшего ставку на нацистов и проигравшего, очевидна в опубликованном в Chess письме, состоящем из лжи и полуправды.

М-р Богатырчук утверждает, что все выдающиеся советские шахматисты являются профессионалами. Он забывает, что многие мастера с мировым именем были награждены за выдающиеся заслуги. Он закрывает глаза на тот факт, что Ботвинник редко участвует в турнирах, так как ему не позволяет этого работа в качестве ученого. Конечно, это правда, что некоторые мастера заняты организацией и популяризацией шахмат в широких массах, что требует полного рабочего дня. Это правда, что за такую организационную работу им хорошо платят, на одном уровне с работниками культуры. Не мешало бы сравнить этот факт с практикой, обычной для западных стран, где шахматные чемпионы обеспечены не так хорошо. Один хорошо известный французский мастер периодически и надолго остается без работы. Не потому, что он не хочет работать, а потому, что его увольняют всякий раз, когда он хочет участвовать в турнире. Хорошо известный чемпион Ейтс умер в ужасающей бедности, как и многие другие. Советские

чемпионы работают на благо всех и вознаграждаются за это, в то время как шахматные чемпионы Запада часто вынуждены подрабатывать игрой на деньги в кафе.

М-р Богатырчук говорит, что шахматы служат «орудием красной пропаганды». Пусть он объяснит тогда, почему советские игроки так мало участвуют в международных турнирах, а главное внимание уделяют развитию шахмат у себя дома? Еще более смешным выглядит утверждение, что шахматы используются как средство отвлечения народа от политики. Шахматы — прекрасное обучающее средство для развития логического и точного мышления, необходимого для решения политических проблем. Широко известно, в том числе и на Западе, что в Советском Союзе больше, чем в любой другой стране мира, каждый гражданин политически грамотен и занимает активную жизненную позицию. Этот факт часто используется в антисоветской пропаганде, но, как мы видим, платные агенты-провокаторы готовы без колебаний утверждать обратное, если это им выгодно.

М-р Богатырчук достигает, однако, кульминации в своей лжи, когда утверждает, что советские шахматисты буквально принуждаются государством и партией к игре в шахматы, и рассказывает, как его упрекали за победу над Ботвинником. А это значит — согласно другим утверждениям в том же письме, — что в Советском Союзе люди, вопреки их желанию, вынуждены вести комфортную жизнь с жалованием университетского профессора! Что касается второго утверждения, то оно просто смешно, если вспомнить, например, турнир в Гронингене, где Ботвинник был разбит Котовым. Отнюдь это не выглядит так, что результат партии «может быть объяснен не самым благоприятным для Котова образом». Гроссмейстер Котов вскоре был избран членом Московского Совета.

Я не особенно удивлен клеветнической ложью, содержащейся в письме Богатырчука. Во время войны его измена была оплачена нацистами, сегодня он служит лакеем у тех, кто заказывает антисоветский бред в надежде развязать новую войну. Как говорится: «Чей хлеб ты ешь, того и песни поешь». Другой герой антисоветского крестового похода — Кравченко — может, по крайней мере, льстить представителям Запада, заявляя, что он «выбрал свободу». (*Виктор Кравченко, член советской закупочной комиссии, в 1944 году сбежал в США и вскоре выпустил книгу «Я выбрал свободу», где впервые сообщил миру о Голодоморе начала 30-х и показал репрессивную сущность советского режима. — Авт.*) Вряд ли Богатырчук решится заявить то же самое, потому что он выбрал «свободу» гитлеровского нацизма. Мы, однако, удивлены тем, что подобное письмо появилось в органе британских шахмат. Я убежден, что большинство британских шахматных любителей рассматривают шахматы как средство для достижения понимания и дружбы между народами мира. Публикация же таких писем, как это в Chess, определенно не способствует данной цели. Старая британская традиция «слушать любое мнение» должна рассматриваться в соответствии со словами британского премьер-министра Эттли: «Демократия — да, фашизм — нет!»

Искренне Ваш, Л. Пахман

Прага, 22 декабря 1949 (Chess, февраль 1950)

Федор Богатырчук — экс-чемпион СССР по шахматам, профессор рентгенологии, член президиума Комитета освобождения народов России генерала Власова.

Листок с названием и диаграммой на обложке — единственное, что исполнено в той первой книге Пахмана типографским способом, все остальное — на пишущей машинке.

Если вспомнить, какой бранью поливали Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии («озлобленная шавка», «лягушка в болоте», «паршивая овца», «свинья под дубом»), то Богатырчук еще легко отделался. Хотя почерк тот же...

Памятью о встрече с Людеком весной 1944 года, профессор недоумевал: «Проигравший мне тогдашний чемпион Праги вел себя по отношению ко мне вполне дружелюбно, хотя даже и в то время он не мог не знать о причинах моего бегства из СССР. Поэтому его резкий выпад против моей статьи в Chess явился для меня несколько неожиданным. Правда, я был поражен тогда прокоммунистическими настроениями в среде чешской интеллигенции. Польские интеллигенты тоже ждали большевиков, но по украинской поговорке: „Пусть черт, только б иной!“ Ибо не могли забыть, что демократическая Польша погибла благодаря сговору Сталина с Гитлером. Чехи же от мала до велика ждали большевиков, как манны небесной. Они не могли понять, по какому праву коммунисты могут отнять ответственность, а все разговоры о терроре считали пропагандой... От этой святой простоты излечивает только собственный опыт».

Назвав письмо Пахмана «малоприличной попыткой прочитать журналу лекцию о правилах демократического поведения», Богатырчук счел нужным ответить. Его письмо журнал напечатал под шапкой «Шахматы и политика».

Ф. БОГАТЫРЧУК — Б. ВУДУ

Дорогой сэръ!

Мне прекрасно известно, чья рука водила пером м-ра Пахмана в письме из февральского Chess: у меня 25-летний опыт жизни в так называемом «раю рабочих и крестьян». Исторической трагедией было то, что я и тысячи других, ушедших на Запад в военные годы, вынуждены были бежать к одному головорезу, чтобы спастись от другого. Бог и совесть по-прежнему остаются нашими единственными руководителями и судьями.

М-р Пахман пишет, что я был в штабе Власова. «Это значит, что он сделался изменником своей родины во время войны». До тех пор пока не будет проведено объективное и справедливое демократическое расследование фигуры Власова, никто не имеет права называть его изменником и объявлять всякого, кто имеет противоположные политические взгляды, «изменником», «фашистом», «поджигателем войны» и т. д.; и не просто объявлять, а казнить и отправлять противников в концентрационные лагеря, будь то в военное или мирное время. Нацисты использовали имя Власова, чтобы прикрыть многие из своих собственных грязных дел. Но один факт из его военной биографии известен: это было в Праге, м-р Пахман, когда, разгромив немецкие войска СС, он спас вашу столицу от уничтожения.

Я впервые встретил Власова в октябре 1944 года, когда прибыл в Германию. Я увидел в нем стойкого политического противника кремлевской клики и, как и многие другие обычные люди — ученые, писатели, врачи, общественные деятели, рабочие, крестьяне и т. д., — поддерживал его и разделял его взгляды. Я вовсе не стыжусь этого, а наоборот, горжусь этим!

М-р Пахман пишет, что моя деятельность против Советов может быть легко объяснена хорошей оплатой со стороны нацистов и «поджигателей войны». Он не будет отрицать, что,

как профессор университета, практикующий врач и шахматный чемпион Украины, я мог бы вести вполне комфортную жизнь в СССР. М-р Вуд знает, как хорошо мне сейчас платят «поджигатели войны», ибо может подтвердить, что пару месяцев назад я не мог продолжить подписку на Chess, будучи в стесненном финансовом положении. Я никогда не продавал свои взгляды и никогда не буду этого делать!

Мне очень жаль, что такой талантливый человек и блестящий шахматист, как Пахман, написал такое письмо. Возможно, он ослеплен тенденциозными и напыщенными заявлениями советских лидеров. У меня нет сомнений, что через какое-то время его надежды растают как дым и он увидит уродливую сущность тоталитарного государства. И если вы, м-р Пахман, тогда последуете примеру многих честных чехов и прилетите на Запад, пожалуйста, приезжайте ко мне. Я разделю с вами мою скромную пищу и помогу вам найти свое место в нашей подлинно демократической стране.

М-р Пахман просит меня объяснить, «почему советские мастера так мало участвуют в международных турнирах, а свое главное внимание обращают на развитие шахмат у себя дома». Вскоре после войны состоялось несколько таких поездок не только шахматистов, но и других спортсменов. Но после того как некоторые из них (я вспоминаю двух известных чехословацких теннисистов) предпочли не возвращаться домой, такие поездки были прекращены. Кроме того, разве в интересах Кремля позволять своим гражданам видеть привлекательность жизни в капиталистических странах?

М-р Пахман пишет, что «в Советском Союзе больше, чем в любой другой стране мира, каждый гражданин политически грамотен и занимает активную жизненную позицию» и «шахматы — прекрасное обучающее средство». Своими словами он только подтверждает мое убеждение, что в Советском Союзе шахматы превратились в инструмент большой политики.

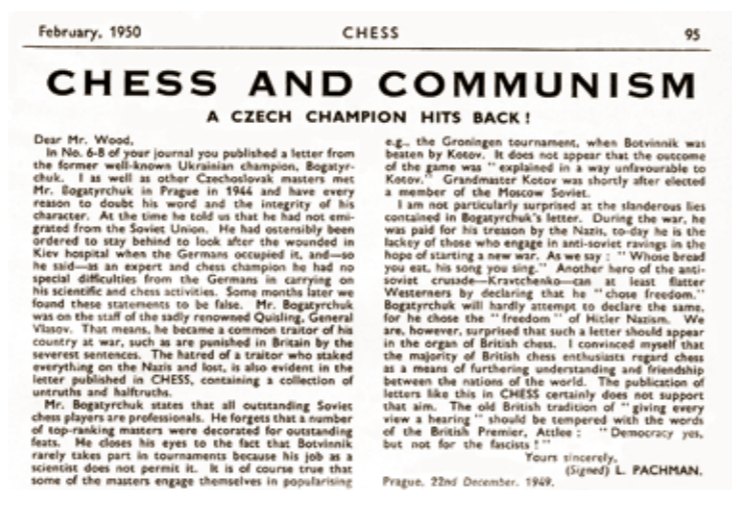
«Упрек за победу над Ботвинником» не означает быть уволенным или не быть выбранным в Совет. Это всего лишь неприятно. Но если в тоталитарном государстве вас когда-нибудь обвинят в каком-нибудь «преступлении» против режима, вам могут напомнить об этой неприятной детали. Все эти упреки не забыты и внесены в «досье» МВД, имеющееся на каждого советского гражданина.

Искренне Ваш, Ф. Богатырчук, д-р мед.

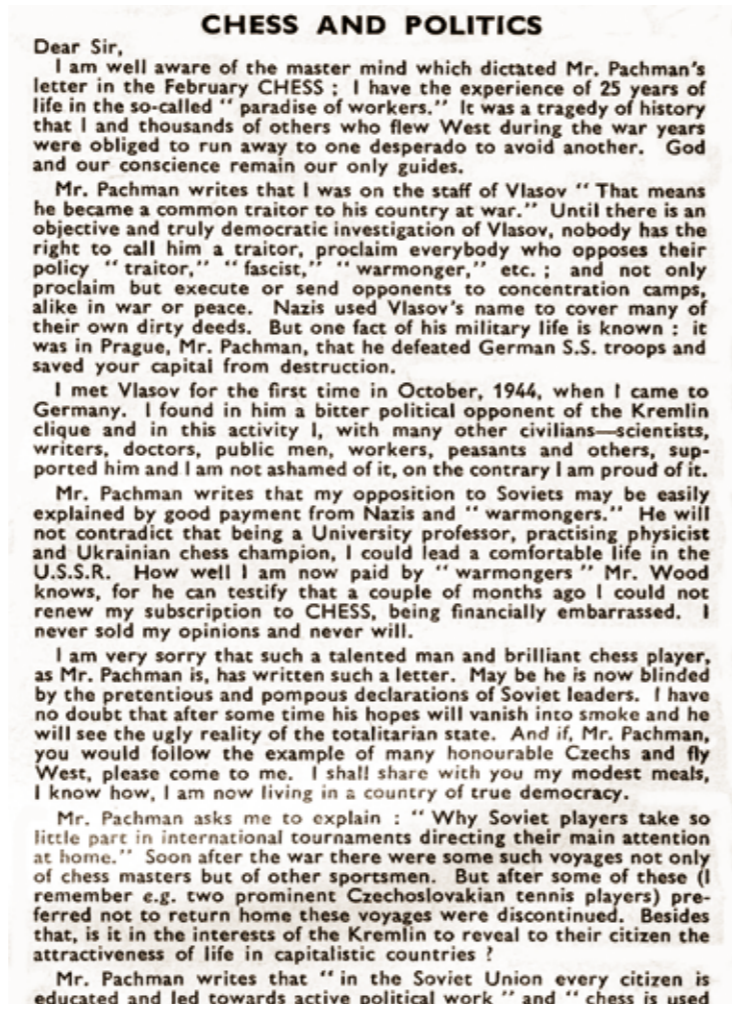
Канада, 17 февраля 1950 (Chess, март 1950)

Последнее слово Богатырчук оставил за собой: его хлесткая отповедь чешскому мастеру как бы подводила черту в споре. Но... в том-то и дело, что «как бы»!

На конгрессе Международной шахматной федерации (ФИДЕ) 1950 года впервые состоялось официальное присвоение международных званий. Канадцы подали заявку на Богатырчука, безусловно достойного называться гроссмейстером. Но советская делегация заблокировала ее под предлогом, что он — «изменник родины» и т. п., то есть сугубо по политическим мотивам. Товарищей горячо поддержал чехословацкий делегат Людек Пахман, заявив, что «Богатырчук не должен получить звание гроссмейстера, так как сотрудничал с нациста-

Письмо Пахмана было напечатано под шапкой: «Шахматы и коммунизм». И чуть ниже: «Ответный удар чешского чемпиона!»

«Я никогда не продавал свои взгляды и никогда не буду этого делать!» — с гордостью заявил Богатырчук в ответном письме Пахману.

Однажды Фидель Кастро, узнав, что Пахман не курит, дал ему огромную сигару и сказал: «Если вы друг Кубы, то выкурите ее до конца». И Людек выкурил... Гавана, 1966 год.

ми». Странно, что этот предлог встретил понимание у руководства ФИДЕ — организации, по уставу вроде бы стоявшей вне политики, а на деле нередко плясавшей под советскую дудку.

После четырехлетней мороки Богатырчуку присвоили-таки звание — но только международного мастера. Это случилось на том же конгрессе ФИДЕ (1954), где Пахман стал гроссмейстером. К тому времени он уже оставил партийную работу и посвятил себя шахматам. Его вера в коммунистические идеалы пошатнулась в злобном 1952 году, после «дела Сланского» — показательного процесса, поставленного по сталинскому сценарию, когда в Праге были повешены 11 высших партийных чиновников.

Пахман: «Атмосфера всеобщей подозрительности вызвала у меня отвращение. Получив два или три доноса на своих подчиненных с обвинениями в том, что они являются агентами Сланского, я сказал секретарю, что это проделки людей с неустойчивой психикой, и выбросил письма в корзину. Вот тогда-то донесли и на меня самого. Письмо на десяти страницах от директора одной из наших профсоюзных школ сообщало, что я был членом банды Сланского... А потом у меня начались проблемы с партийным комитетом из-за моего друга, бывшего главы отдела культуры, уволенного по подозрению в связях с предателем Сланским... Слава Богу, благодаря своей журналистской работе я смог доказать, что никогда не говорил с неуважением о Советском Союзе, так что, в конце концов, все угрозы миновали. Но эти два эпизода убили мой интерес к политической карьере, и я решил с ней покончить».

Тем не менее в шахматных кругах Людек имел репутацию человека со связями «на самом верху», и многие восточноевропейские шахматисты высказывались при нем на политические темы с крайней осторожностью. Сам же он в канун XX съезда КПСС (1956) уповал на то, что социализм сможет приобрести совершенно другой вид: «Произойдут изменения в партийной линии, особенно это коснется правосудия. Будет покончено с полным бесправием граждан».

Похоже, не омрачала его оптимизма даже кровавая бойня в Будапеште. Рассказываю друг Пахмана, голландский гроссмейстер Хейн Доннер: «Когда осенью 1956 года произошло восстание в Будапеште, он заклеил позором венгров. Якобы они были фашисты, криминальные элементы, которые хотели воспользоваться полученной свободой для своих целей, и русские не могли поступить иначе».

В 60-е Людек часто бывал на Кубе, где играл в турнирах и даже несколько раз встречался с Фиделем Кастро. Знаменитый гроссмейстер Виктор Корчной вспоминает, как на турнире в Гаване (1963) Пахман с гордостью говорил: «Я недавно выучился водить танк», а в ответ на недоуменные взоры пояснял: «Мы должны защищать нашу Кубу!»

Доннер: «Война 1967 года на Ближнем Востоке всколыхнула многие умы, особенно в Чехословакии, старом союзнике Израйля. Вместе с парой друзей Людек написал в Центральный Комитет письмо о том, что международное рабочее движение должно поддержать социалистический Израиль, а не феодальные арабские страны. Это письмо было зачитано с издевкой одним из партийных секретарей на писательском съезде:

вот ведь как могут быть глупы некоторые личности. Впрочем, что с них взять: ведь у всех шахматистов мозги набекрень. Но вышло совсем по-другому. Многие члены съезда поддержали авторов письма и захотели тоже подписаться под ним. Гости из Советского Союза в знак протеста покинули зал. Это явилось началом бунта интеллектуалов, все более разраставшегося на исходе 1967-го. В январе следующего года пал Новотный... Пражская весна длилась семь месяцев. Это было время всеобщего освобождения, и время это не опишешь в двух словах. Весь воздух был напоен свободой; такого ощущения мы не знаем в Западной Европе. Все казалось возможным, следовало только рассчитывать с прошлым — и все должно было начаться, и существовало только будущее. Людек был, разумеется, в первых рядах... „Но если придут русские?“ — с опаской спрашивал я. Он отвечал, что это исключено. Этого просто не может произойти. Со времен восстания в Будапеште произошло столько перемен, и социалистический лагерь превратился в содружество государств, внутренние дела которых решаются ими самими».

Увы, это было жестокое заблуждение: 21 августа 1968 года в Прагу вошли советские танки. Жизнь Пахмана круто изменилась: отныне он стал непримиримым борцом с коммунистическим режимом.

Когда на конгрессе ФИДЕ в Лугано, проходившем через два месяца после оккупации Чехословакии, делегат от СССР предложил исключить ЮАР, президент ФИДЕ Фольке Рогард ответил: «Я должен показать вам письмо Пахмана. Узнав о вашем предложении, он подал заявление, в котором пишет, что если кто-то и должен быть исключен из ФИДЕ, так это, в первую очередь, шесть стран Варшавского договора и Советский Союз. Если вы продолжите настаивать на исключении ЮАР, то я буду вынужден дать ход заявлению Пахмана, публично зачитать его на очередном заседании, начать дебаты, а может, и поставить на голосование». Вопрос о членстве ЮАР был снят с повестки дня...

Там же, в Лугано, проходила и Всемирная шахматная олимпиада, на которой чехословацкие участники всерьез подумывали о бойкоте матча с командой СССР. В итоге они все-таки вышли на игру, но с траурными повязками. Пахмана впервые с 1952 года не было в составе сборной: он уже с головой окунулся в политику. Однако приехал на конгресс ФИДЕ и даже встретился с советскими коллегами. В завязавшейся дискуссии будущий чемпион мира Борис Спасский неожиданно бросил фразу, от которой у Людека перехватило дыхание: «Это правда — чехи сражаются и за нас тоже».

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СВЕТЛАНА МИХЛОВА

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ, КУПЛЕННЫЕ У СТАРЬЕВЩИКА

Свою коллекцию старых фотографий, открыток и всякого другого «хлама» я начала формировать давно, еще в школе, и вначале верила, что необходимо собирать что-нибудь одно и тематически, как меня учили пособия типа «Памятка молодому коллекционеру». Собрав все выпущенные к тому времени советские марки и изрядное количество других знаков почтовой оплаты, я призадумалась, потому, что мне стало скучно, и я решила, что буду собирать то, что мне нравится, а не то, что предписывают «Памятки». Руководствуясь этими соображениями, я накопила, уже живя в Чехии, порядочное количество старых фотографий и открыток, которые имеют отношение к России. Я их стала покупать потому, что мне их было просто жалко, жалко людей, изображенных на фото, жалко милых карапузиков пятидесяти лет, ведь и я могла быть одним из них: и вдруг на тебе — чуть не выбросили за ненадобностью, продают среди старья за гроши....

Со временем я стала больше и больше присматриваться к написанному на открытках и в письмах, на задней стороне фотографий, и мне стало понятно, что моя коллекция не столь уж странна и может быть полезной не только для меня.

С детства нам внушали, что «никто не забыт, и ничто не забыто», что «вечная память» — это нормальное словосочетание. Однако человеческая индивидуальная память — вещь ненадежная и очень ограниченная, а коллективная память склонна пользоваться устоявшимися представлениями и вытеснять неприятное, а также развиваться и формироваться под воздействием политических, идеологических, религиозных, локальных и прочих, и прочих убеждений и предубеждений. А тот, кто не понимает выражение «сдать в архив» как синоним фразы «предать забвению», сталкивается с разными ограничениями, запретами и предписаниями, что и когда можно помнить, а что следует забыть.

На счастье, в Праге все еще существуют букинисты и продавцы ветоши, в их лавках можно натолкнуться на предметы, которые кто-то хранил всю жизнь как ценнейшую реликвию, а потом, по стечению обстоятельств, эта реликвия очутилась в какой-нибудь пыльной коробке, где можно рыться, выбирая, чего душе угодно. Вот, например, на перепачканной губной помадой открытке, адресованной какой-то женщине, вышедшей замуж в Чехию, фиолетовыми чернилами выведены в 1959 году трогательные слова:

«Дорогая моя и родненькая, поздравляю вас с женским днем 8-ого марта, желаю вам полных сил, счастья и здоровья на долгие годы жизни. Надичка, эту открытку выкрасила моя дочурка Любочка, которая красила себе щечки и губочки маленькие свои». А после — пять подписей.

А вот открытка, адресованная «Сашуле». Этот Сашуля получил несколько открыток от папы и все бережно сохранил. На открытках изображен Буратино, питающийся то простоквашей, то творогом, то приготавливающий себе ацидофилин из таблеточной закваски. А вот текст:

«Сашуля! Девочки тебе шлют привет и ждут в гости. У них во дворе сделан из ящиков игрушечный дом, с мебелью, посудой и т. д. В нем живут куклы и... Тузик. Кругом занавесочки, скатерти, ковры и прочая утварь. Для Саши уже готовят в этом доме отдельную комнатку-террасу. Торопи мамулю скорей и не забудь, пожалуйста, взять папе бутылочку у бабы Ани за зеркалом. Будем душиться из „пулизатора“. Крепко целую, папа».

Как эта открытка попала в пражский магазин, что стало с «Сашулей»? Каким одеколоном душились они с папой?

Не вся корреспонденция навеивает атмосферу идиллической семейной жизни. Хранились в домашних архивах и документы совсем не оптимистического содержания. Вот, например, открытка, представляющая собой репродукцию с картины чешско-немецкого художника Габриэля фон Макса «Успокоилась». На обороте старой орфографией написано: «Таков и мой удел будет через короткое время. В минуты грусти вспомни любящую тебя...» Трудно сказать, была ли отправительница любящей, коли она послала кому-то дорогому

картину, изображающую мертвую молодую женщину на смертельном одре, одно можно сказать, что получатель сохранил эту открытку, видимо, до конца своей жизни.

Жизнь эмигрантов была непростой. И, видимо, в такую минуту кто-то написал (причем на пишущей машинке) на репродукции акварели с изображением Градчан стихотворение Тютчева «Слезы»:

Слезы людские, о, слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимы,
Льетесь, как льются струи дождевые,
В осень глухую, порою ночной.

(Написано старой орфографией, пунктуацию, отличную от современной, я сохранила).

БОГУМИЛА ГРЕГЕРОВА (BOHUMILA GRÖGEROVÁ)

(07.08.1921—21.08.2014)

В четверг, 21 августа 2014 года, в возрасте 93 лет ушла из жизни чешская поэтесса, переводчица, автор радиопьес и детских книг Богумила Грегера. Родилась будущая писательница в Праге в семье легионера. В 1951 году, по окончании женской реальной гимназии, Грегера начала сотрудничать с издательством Naše vojsko («Наше войско»), а уже год спустя познакомилась с чешским поэтом и переводчиком Йозефом Гиршалом (1920—2003) — возник уникальный творческий и интеллектуальный союз, каких в Чехии было мало. Их совместная библиография насчитывает около 180 заглавий. В 1960—70-е годы, исследуя новые пространства современного поэтического языка, они вместе создали т. н. конкретную поэзию (сборник JOV-BOJ, 1968). Экспериментируя с непривычными языковыми конструкциями, их семантикой, заумным языком и невербальными средствами выражения, Грегера и Гиршал вносили свое, ни с чем не сравнимое видение непростой для чешской интеллигенции эпохи. В 1972 году Богумила Грегера по политическим причинам перешла в Центр научной, технической и экономической информации. Позже она публиковалась в газете Literární poviny, журналах Plamen, Sešity, Tvář. За плодотворную переводческую деятельность Грегера и Гиршал получили премию Тома Стоппарда (1986), австрийскую Государственную премию за перевод поэзии, премию Йозефа Юнгмана (1993, 2000) и др. В последние годы Богумила Грегера писала мемуарную прозу: «Время между тогда и сейчас» (Čas mezi tehdy a teď, 2004), «Два зеленых тона» (Dva zelené tóny, 2012), «Мой лабиринт» (Můj labyrint, 2014). В 2009 году ей была присуждена премия ПЕН-клуба за вклад в литературу, а также премия Magnesia Litera за сборник поэзии «Почерк» (Rukopis, 2008), признанный книгой года. Богумила Грегера, автор неординарной и новаторской поэтической интонации, экспериментаторской спонтанности и иронии — олицетворение голоса на всех его высотах.

ЕКАТЕРИНА СТАШЕВСКАЯ
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ СЛОВО»

(26. V. 1799 г. — 29. I. 1837 г.)

Но не только корреспонденция эмигрантов первой волны обладает значительным эмоциональным зарядом. Вот что написано в письме, отправленном из Ворошиловграда (сегодня Луганск) 7 июля 1942 года (частично сохраняю орфографию):

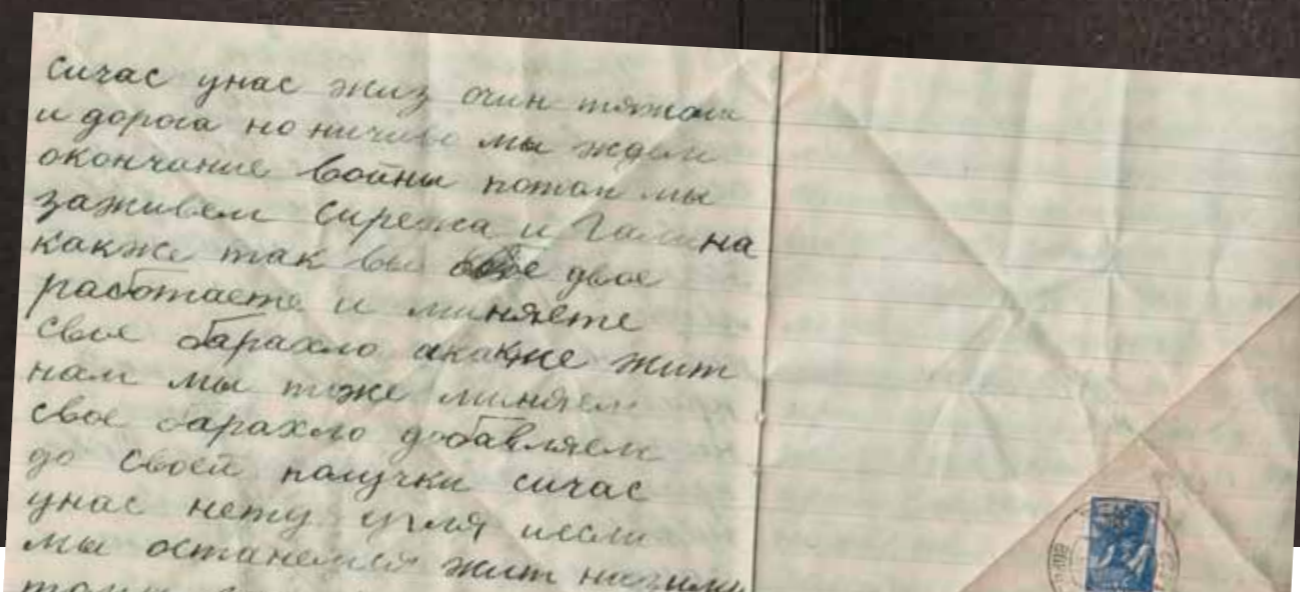
«Здрастуйте Сережа и Галина мы живы и здоровы того и вам жилаем мы сейчас живем так как жили осиню. Заводы эвакуируются жиз(нь) на колесах. Можит я пишу тибе писмо последний раз и больше ни прийдотся ничиво низная ни за вас ни за нас что то притсоит страшное. Вова наверно останит-ся для зашчиты города. Мине это очинь ни нравится. Любу я ни пустю никуда, будем погибать умести но выезжат я ни согласна некуда покамис а далши не ручаемся можит придется бежат голыми и голодными. Сичас у нас жиз(нь) очин тяжола и дорога но ничаво мы ждем окончания войны потом мы заживем. Сережа и Галина какже так вы обое двое работаете и миняете свое барахло а как же жит нам мы тоже миняем свое барахло, добавляем до своей получки. Сичас у нас нету угля и если мы останемся жит назиму то мы замерзнем можит бог даст подохнем. Мине лично только жал своих дитей но покамис они при мне а остальное все чипуха.

Досвидание. Досвидание привет от Вовы и Любы можит последний раз твоя систра Даря.

Цылую вас если вспеет то пишы».

Письмо пишет малограмотная женщина, но как ей удалось с помощью нескольких строк обрисовать катастрофическую картину настоящего, в которой пробивается лучик надежды. И как это письмо, адресованное в Барнаул Алтайского края, очутилось у букинистов Праги?

Особую «категорию» моей коллекции составляют открытки, выпущенные, главным образом, в 20-е годы эмигрантскими издательствами Праги и Берлина. Некоторые открытки, видимо, за неимением ничего лучшего, воспроизводили любительские копии картин известных русских и украинских художников. Вот передо мной репродукция копии (именно так) картины Богданова-Бельского работы Е. Лукинской под названием «Пасхальный стол»... Я иногда использую ее, чтобы показать студентам, как выглядели типичные для этого праздника русские блюда.

ВИТАЛИЙ РАУЛ
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «РУССКОГО СЛОВА»

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ В БОРКАХ

СПАСЕНИЕ ПОД ОТКОСОМ...

Хмурым осенним днем 17 октября 1888 года вся Августейшая семья Российского Монарха, сидевшая за завтраком в вагоне-столовой поезда чрезвычайной важности, следовавшего в С.-Петербург, за несколько секунд оказалась на насыпи, в семи верстах от станции Борки, под обломками разбитых вагонов. Все члены царской семьи уцелели, но испытанный ими шок преследовал их до конца жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Путешествие на Кавказ, подготовка к которому была развернута еще весной 1888 года, началось из Ростова, когда 17 сентября 1888 года Августейшая семья: Император с Императрицей, Наследник-цесаревич и великий князь Георгий Александрович с многочисленной свитой — отбыли на поезде из Ростова в направлении Владикавказа. План поездки по Кавказу был, в общем, развлекательно-экскурсионный, но высочайший уровень путешественников сообщил поездке характер державного осмотра подвластных территорий. Соответственно, в исключительно торжественной и восторженной атмосфере протекали бесчисленные встречи Августейшей семьи с местными властями, аристократией и общественностью в совершенно незнакомых туземных окраинах огромной империи. Маршрут поездки проходил, начиная от Владикавказа, через Екатеринодар, Новороссийск, Батум, Тифлис и Баку, завершившись снова в Батуме. Кроме больших городов, путешественники посетили выдающиеся по красоте горных пейзажей места Грузии, побывали в уже освоенных имениях русских аристократов в Цинандали и Карданахи и в полной мере вкусили кавказское гостеприимство. Назвать всю поездку сказочной — это значит применить самый слабый эпитет к тем приемам, обедам и банкетам, которые сверкающей чередой проходили перед глазами Августейшей семьи и изумленной свиты. Все встречавшие монаршую семью: от местного чиновничества до простолюдины — были охвачены общим верноподданническим чувством. Его искренне выразила

в своих стихах гимназистка Ольгинской гимназии в Тифлисе Александра Сташевская:

Привет наш всей семье Державной
Несем, любовь горя,
К стопам Царицы православной,
К стопам Великого Царя.
Мы чудный миг переживаем:
От счастья бьются все сердца —
Мы, дети, среди нас встречаем
Царицу-мать, Царя-отца!

Грузинские князья не преминули удивить императора настоящим кавказским застольем, вписанным в потрясающий горный пейзаж Сабадурского перевала. В огромном шатре с видом на горы были накрыты великолепные столы. Подавались грузинские кулинарные деликатесы: чихиртма, форель, плов из фазанов, шашлыки, маринады, лобио, маседуан в арбузе (смесь фруктов в сиропе) и отборные свежие фрукты. Император, под впечатлением всего этого гастрономического изыска, поднял тост: «Господа! Еще раз пью за здоровье доблестного грузинского дворянства. Пользуюсь случаем, чтобы от имени Императрицы и Моего поблагодарить вас за тот теплый и радостный прием, который Мы встретили здесь. Будьте уверены, что нужды грузинского дворянства столь же близки мне, как и нужды всего русского дворянства...» Царская семья была буквально завалена разнообразными подарками от местной знати и духовенства.

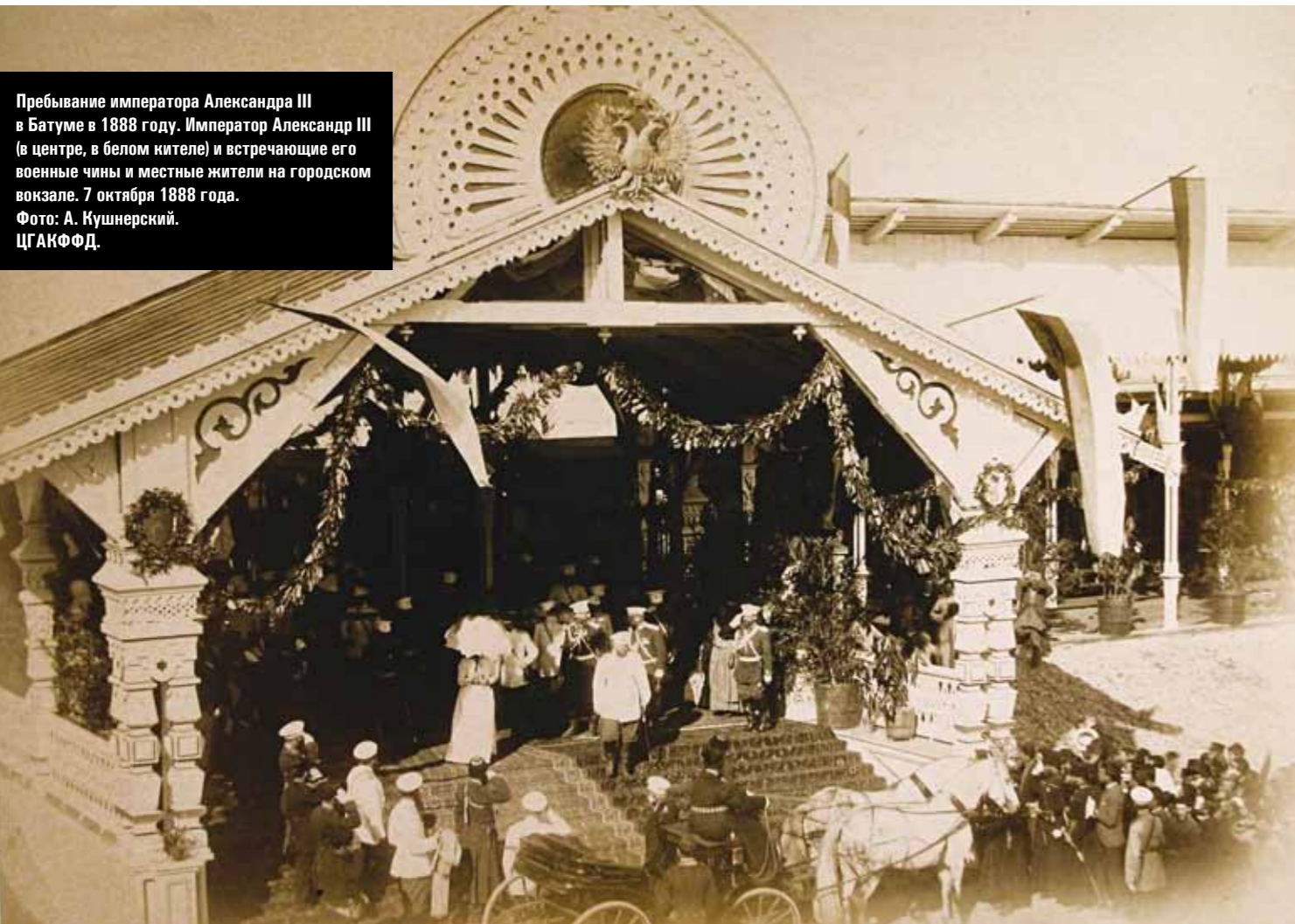

Император Александр III с семьей и собакой Камчаткой в Собственном саду Большого Гатчинского дворца. 1888 год. Слева направо: Император Александр III, царевич Николай, великий князь Михаил и собака, императрица Мария Федоровна, великий князь Георгий и великая княгиня Ксения. Royal Collection Trust. London.

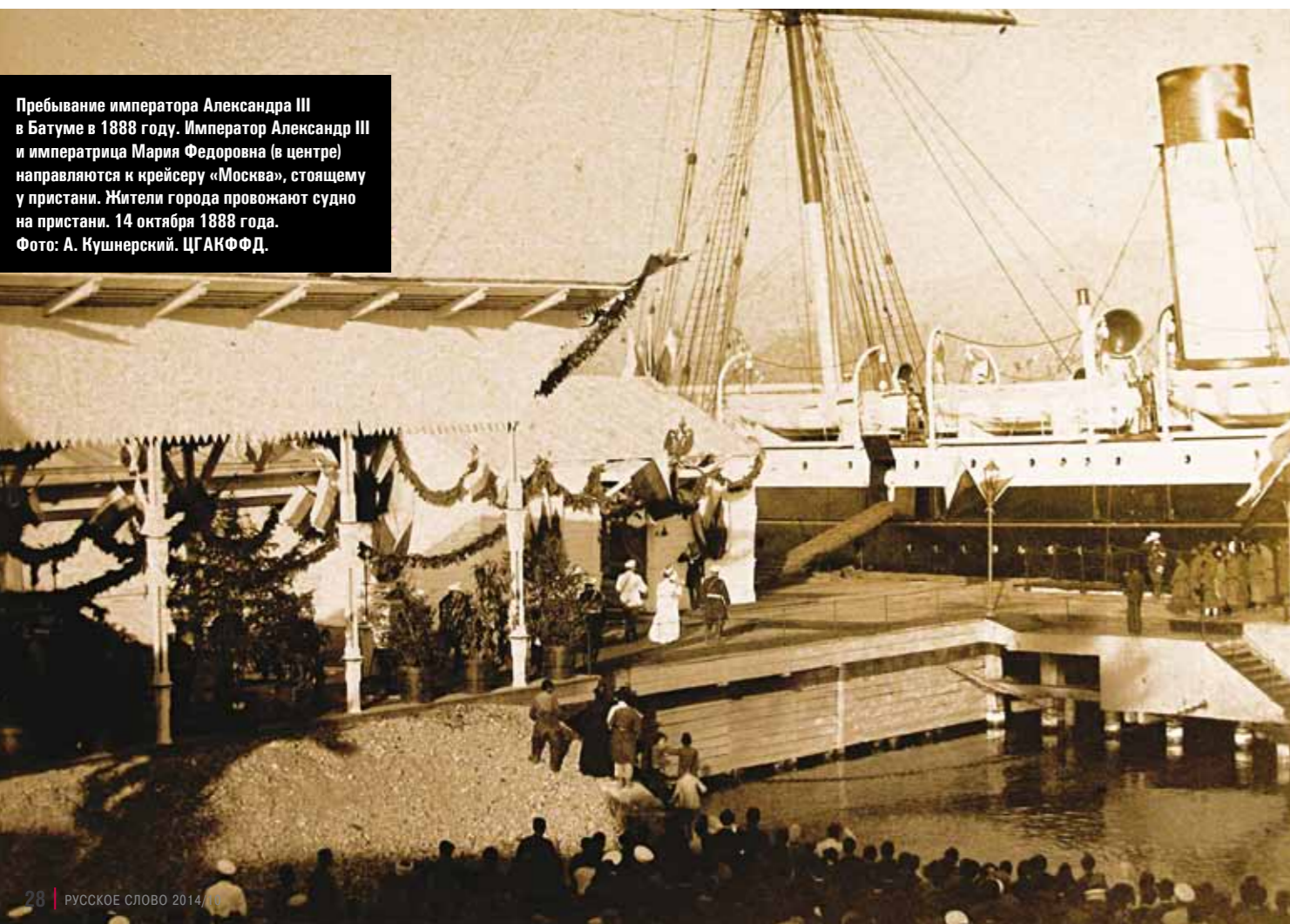
Путешествие заканчивалось в Батуме, который был избран конечным пунктом. По следам путешествия по Кавказу В. А. Потто написал путевые заметки «Царская семья на Кавказе. 18 сентября — 14 октября 1888 года». Он так описал отъезд Императорской семьи с Кавказа: «14 октября 1888 года, в час пополудни, Императорский поезд остановился у Батумской пристани. На пристани собралось все, что только жило в Батуме и в его окрестностях. Почетный караул от 3-й туземной стрелковой дружины принял Императора на пристани военной почестью. Поклонившись народу и пропустив мимо себя бравых гурийцев, продефилировавших с музыкой и развернутым знаменем, царская семья поднялась на крейсер „Москва“, где Государя встретил управляющий морским министерством генерал-адъютант И. А. Шестаков, командир эскадры контр-адмирал М. Д. Новиков и все местные военные и гражданские власти. Но вот и приблизилась минута расставания Царской семьи с Кавказом. Государь обнял главноначальствующего князя А. М. Дондукова-Корсакова и еще раз в самых милостивых выражениях благодарил его за состояние края, сказав, что путешествие Их Величеств по Кавказу, блистательное состояние войск и непритворные чувства населения навсегда останутся в памяти Их неизгладимыми воспоминаниями. Когда все провожающие сошли на берег, тотчас был поднят трап — и „Москва“ медленно стала отходить от пристани и, сопровождаемая целой эскадрой Черноморского флота, вышла в море и взяла курс на Севастополь».

В Севастополе путешественников ждал Императорский поезд чрезвычайной важности литер «А», из пятнадцати вагонов,

в которых и разместились с максимальными удобствами как члены Августейшей семьи, так и многочисленная свита. Кроме того, к семье присоединились остальные дети, отдохнувшие в Ливадии: великая княжна Ксения Александровна, великий князь Михаил Александрович и великая княжна Ольга Александровна. По количеству важных особ, сопровождавших Императорскую семью, поезд действительно был чрезвычайной важности, в нем находились: военный министр П. С. Ванновский, министр Императорского Двора граф И. И. Воронцов-Дашков, командующий Императорской Главной квартирой О. Б. Рихтер, Главный начальник Охраны П. А. Черевин и министр путей сообщения К. Н. Посыет с ответственными чиновниками министерства. Военных и чиновников рангом поменьше тоже хватало, особенно представительными были группы железнодорожников и охраны. Поезд формировался на Николаевской железной дороге и был оснащен по последнему слову техники: имелась своя электростанция, телеграф, внутренний телефон, почти все вагоны были оснащены автоматическим тормозом Вестингауза. Обслуживание поезда в пути осуществлялось в автономном режиме, для чего в поезде имелась многочисленная группа рабочих службы тяги Николаевской железной дороги, всего из 25 человек. Одних только осмотрщиков было шестеро, и к ним одиннадцать человек смазчиков. К обслуживанию поезда местных рабочих не допускали. Руководство группой обслуживания осуществлял опытный инженер-технолог С. С. Калашников. Не менее солидно выглядела гофмаршальская служба, которую возглавлял флигель-адъютант князь В. С. Оболенский.

Пребывание императора Александра III в Батуме в 1888 году. Император Александр III (в центре, в белом кителе) и встречающие его военные чины и местные жители на городском вокзале. 7 октября 1888 года. Фото: А. Кушнерский. ЦГАКФФД.

Пребывание императора Александра III в Батуме в 1888 году. Император Александр III и императрица Мария Федоровна (в центре) направляются к крейсеру «Москва», стоящему у пристани. Жители города провожают судно на пристани. 14 октября 1888 года. Фото: А. Кушнерский. ЦГАКФФД.

Главной задачей службы в пути, было, разумеется, питание высочайших особ и многочисленной свиты. Для этого в составе имелись целых три вагона: вагон-кухня, литер «R»; вагон-буфет, литер «N», и вагон-столовая, литер «L». На кухне поезда трудились под руководством старшего повара Ивана Бернадского — три повара 1-го разряда, два повара 2-го разряда и несколько поваренных учеников (по одному на каждого повара). В вагоне-столовой высоких гостей обслуживали трое официантов и пять лакеев 1-го разряда. Монаршую Семью сопровождали неизменные лейб-хирург Т. С. Гирш, художник Зичи и любимая собака императора Камчатка. Поезд чрезвычайной важности был, таким образом, неким эксклюзивным срезом всего русского общества по линии власти и влияния — от самой вершины до основания. Как-то так случилось, но в поезде не оказалось ни одного представителя духовенства. Это обстоятельство совершенно выпало из поля зрения людей, формировавших список особ, сопровождавших Августейшую семью. Поезд ушел из Севастополя с опозданием, в ночь на 16 октября и с некоторыми задержками в пути, близ Бахчисарая, у станций Альма и Синельниково, благополучно прибыл утром 17 октября на станцию Лозовая. Опоздание по расписанию составило в Лозовой час с минутами. На пути от Лозовой до Харькова предстояла смена паровозов на станции Тарановка — поезд вели «двойной тягой» два паровоза.

В Тарановке впереди поезда поставили товарный паровоз «Зигля» № 164; вторым паровозом за ним прицепили товарно-пассажирский паровоз № 4, «Струве». Нет нужды объяснять, что к обслуживанию царского поезда привлекалась лучшая железнодорожная техника, имевшаяся в распоряжении Курско-Харьково-Азовской железной дороги (К.Х.А. ж.д.), и весь путь прохождения царского поезда тщательно проверялся. Итак, царский поезд в полдень 17 октября, сменив паровозы, двинулся в сторону Харькова со станции Тарановка. Августейшая семья и несколько приглашенных особ разместились в вагоне-столовой, где был накрыт завтрак. Через четверть часа спокойного и плавного движения, когда официанты начали подавать гурьевскую кашу, эта расслабляющая обстановка была прервана страшным треском, и все смешалось и посыпалось: люди, мебель, посуда... Произошло крушение чрезвычайного поезда, занявшее неимоверно мало времени — всего какие-нибудь секунды. В записке, составленной по горячим следам катастрофы, происшествие получило официальное описание, которое в дальнейшем стало каноническим: «17 октября 1888 года, днем, поезд чрезвычайной важности литер „А“, в коем изволили находиться Его Императорское Величество Государь Император и Его Августейшая семья, следовал по Курско-Харьково-Азовской железной дороге (К.Х.А. ж.д.) по направлению от станции Лозовой-Азовской к Харькову. В 1 час 14 минут пополудни между станциями Тарановка и Борки на насыпи вышиной пять сажен, в конце уклона 277 версты, означенный поезд потерпел крушение, причем шесть вагонов почти в центре поезда, и в том числе Императорский столовый вагон, в коем в момент катастрофы изволили находиться Его Императорское Величество, Государыня Императрица и другие высочайшие особы, были разбиты совершенно, два паровоза и пять вагонов более или менее сильно повреждены, а самое крушение имело последствием смерть 21 человека и увечья и поранения 43 лиц». Это сообщение, в целом, верно описывает происшествие, но скрывает две весьма существенные детали, замолчав которые, официальная версия полностью игнорировала главную причину катастрофы.

Первое: в сообщении не назван наиболее пострадавший вагон — вагон прислуги литер «I», следовавший в составе поезда под №4, сразу за вагоном М.П.С., где располагался министр К. Н. Посьет. От вагона №4 практически ничего не осталось, кроме куска боковой стены, валявшегося под насыпью. Все остальные, «разбитые совершенно» вагоны следовали за ним: вагон №5-кухня, литер «R»; вагон №6-буфет, литер «N»; вагон №7-столовая, литер «L»; и вагон №8, литер «D» августейших детей. Сильно пострадали предшествующие вагону №4, вагон №2, литер «Z», где располагалась мастерская и рабочие, и вагон №3, М.П.С. Таким образом, второй существенной деталью, вытекавшей из первой, о которой умолчала официальная версия, было то обстоятельство, что наиболее пострадавшие вагоны группировались вокруг вагона №4, где располагалась прислуга. Для выявления этих двух существенных деталей не требовалось специального расследования — они были очевидны на схеме крушения, которая была составлена экспертами сразу после происшествия и снабжена подробным описанием местоположения всех вагонов и характера повреждений. Эпицентр крушения так никто и не решился назвать — ни эксперты, обследовавшие место катастрофы, ни следователи, ни назначенный руководить следствием прокурор уголовного кассационного департамента Сената А. Ф. Кони. Почему возникла такая всеобщая вопиющая слепота? Это очень характерно для России: испокон веков принято рабски следовать точке зрения верхов, невзирая на любое сомнение, и только шептаться по углам, передавая друг другу «секреты». В данном случае, точка зрения на крушение царского поезда была сформулирована самим императором там же, на насыпи, когда он поднял кусок гнилой шпалы и сказал: «Красть надо меньше!» В этой короткой фразе и содержался весь предстоящий анализ катастрофы и направление поиска виновных. Особой пронизательности в данном случае и не требовалось, так как элемент воровства имелся во всем, что происходило в России вообще.

Однако стоит вернуться к впечатлениям пассажиров злополучного поезда, причем лучше сделать это последовательно — от паровоза до последнего вагона. На первом паровозе, который вел поезд, находился контролер тяги Петр Феликсович Ключинский, в задачу которого входил контроль действий машиниста и его помощника в части скорости движения. Ему пришлось давать показания следователям 23 октября 1888 года, то есть через неделю после крушения, и вот что он поведал:

«17 октября сего года я сопровождал поезд чрезвычайной важности литер „А“ от станции Лозовой-Азовской до 277 версты, то есть до места крушения поезда, я находился на первом паровозе с начальником 4-ой дистанции Ветринским, машинистом Горозиевым и его помощником Евсюковым. Поезд прибыл в Лозовую с опозданием против расписания на 1 час с минутами. На этой станции Управляющий дорогой Кованько во время прицепки паровоза под поезд подошел ко мне и, заявляя, что поезд опоздал более чем на час, приказал мне ехать с такой скоростью, чтобы в Харькове быть своевременно, то есть в часы, положенные упомянутым расписанием. Об этом распоряжении я передал немедленно начальнику депо Задонцеву, находившемуся на втором паровозе... По прибытию в Тарановку я не имел времени выяснить, сколько мы выиграли времени, но ревизор поезда Калашников подошел ко мне и с видимым удовольствием сказал мне: „Прекрасно ехали, знаете, сколько нагнали, целых тридцать минут“. Вслед за сим управляющий дорогой подошел ко мне и сказал: „До Тарановки ехали хорошо, прекрасно... Теперь Государь пошел завтракать, не доводите скорости до 70 верст, между Марефой

и Харьковом надо ехать тише...» Выехавши из Тарановки, мы двигались, как мне показалось, со скоростью меньшей, чем до Тарановки, и с такой же скоростью ехали до 277 версты, причем на последнем уклоне, где поезд пошел несколько скорее, скорость не превосходила, по моему мнению, 45 верст в час. Подходя к месту происшествия, наш паровоз один момент заколебался в ту и другую сторону и в тот же момент остановился, несколько наклонившись в левую сторону. В момент остановки я взглянул в окно будки и увидел несколько человек, сбегаящих по насыпи вниз около озера, затем я спрыгнул с паровоза и увидел разбитые и разбросанные вагоны и нескольких потерпевших от крушения лиц. Первый паровоз после момента крушения всеми тремя колесами правой стороны стоял на рельсах, колеса же левой стороны находились внутри колеи вплотную к рельсам, и паровоз наклонен был на левую сторону очень незначительно».

Показания контролера тяги Ключинского красноречивы и информативны во многих отношениях. Прежде всего, они убедительно показывают степень заорганизованности и контроля за действиями технического персонала со стороны практически всей структуры управления дорогой от управляющего до машиниста. Такая обстановка полностью исключала малейшую расслабленность, а тем более самоуправство. Другое обстоятельство связано с характером крушения — в будке машиниста первого паровоза заметили только колебания паровоза и его внезапную остановку, других признаков крушения не наблюдалось. Такие же ощущения испытал Григорий Петрович Задонцев, начальник Депо К.Х.А. ж.д., отвечавший на дороге за исправность паровозов и вагонов и сопровождавший царский поезд на втором паровозе. Он вспоминал в своих показаниях 23 октября:

«17 октября сего года я на втором паровозе сопровождал поезд чрезвычайной важности литер „А“. На паровозе этом находились, кроме меня, машинист Жекулин, его помощник Харченко и агент Императорского поезда, неизвестный мне по имени и фамилии. Мне были подчинены на паровозе машинист и его помощник, но агент поезда, стоявший у автоматического тормоза, был от меня совершенно независим, и его инструкция мне не известна... По прибытии в Тарановку мы выиграли, как я полагаю, минут 30 времени, все были довольны, и барон Таубе, подходя к инспектору и управляющему, выражал свое удовольствие и хвалил дорогу. Начальник дистанции Ветринский, находившийся на первом паровозе, объявил мне, что Государь сел завтракать и потому нужно ехать плавнее и, кажется, тише... Крушение

поезда продолжалось один момент. Стоя на паровозе, никаких толчков я не ощущал. Паровоз моментально как будто погрузился в мягкую почву: помощника машиниста засыпало углем, и он, падая, свалил и меня с ног, паровоз сильно накренился налево и сошел с рельс. Когда я поднялся, катастрофа, очевидно, уже закончилась; за паром, выходящим из пробитого котла, положения вагонов на пути рассмотреть было невозможно, но с левой стороны я увидел свалившиеся под откосом части вагонов и суетящихся людей. Вслед за катастрофой я осмотрел паровозы и увидел, что первый паровоз левой стороны сошел с рельс вовнутрь пути, а правой стороны среднее и заднее колеса стояли на рельсах, а переднее перешло рельс наружу. По моему мнению, не паровозы первыми сошли с рельс, а или второй вагон задними колесами, или третий передними, так как в этом месте произошли наибольшие разрушения; паровоз же наш не испытывал никакого толчка, а сразу сел в балласт левой стороной».

Оценка катастрофы Задонцевым уже более точна и профессиональна: в ней содержится не только указание на возможный эпицентр крушения, но и осторожный намек на его причину. Как видно, на паровозах крушение пережили довольно легко, без особых травм и потрясений. Слабо пострадал и вагон №1, Б. 348, с электростанцией и багажным отделением, удержавшийся в пределах рельсового пути. Иначе обстояло дело с вагоном №2, литер «Z», где располагалась мастерская и помещения для рабочих. В этом вагоне, в отдельном купе, находился Семен Степанович Калашников, инженер-технолог, занимавший должность контролера по вагонам Главного Общества Российских железных дорог по Николаевской линии, в службе подвижного состава и тяги. В поезде чрезвычайной важности он являлся Начальником состава, которому подчинялся весь технический обслуживающий персонал. Свои обязанности он осуществлял вместе с помощником вагонного мастера С.-Петербургской станции Иваном Ивановичем Мейергофом, с которым и находился в одном купе в момент крушения. Калашников так описал минуту страха:

«В момент крушения я и Мейергоф были в своем помещении, сидя друг против друга на диванах; началось боковое качание, вещи полетели с полок, стола и этажерки, я выглянул в окно, вижу: мимо окна под углом сзади движется вагон вперед, и засим все остановилось — и движение, и колебания. Наше отделение разрушено не было, посему я и Мейергоф спасены: прими напирющий вагон под более острым углом направление, нам непременно нужно было быть убитыми на месте».

Крушение императорского поезда 17 октября 1888 года. Станция Борки Харьковской губернии. Фото А. М. Иваницкого.

Еще более впечатляющий рассказ принадлежит пассажиру вагона №3, М.П.С., коллежскому асессору Владимиру Александровичу Кованько, управляющему Курско-Харьково-Азовской железной дорогой:

«17 октября поезд чрезвычайной важности литер „А“, который я сопровождал, вышел из Тарановки с опозданием минут 30—40. При приходе в Тарановку, имея в виду, что поезд шел со скоростью свыше расписания, очень быстро — так верст 40 в час в среднем — и то, что Государь при подходе к Тарановке сел завтракать, я, выйдя на Тарановке из вагона Министра путей сообщения, в каком-то вагоне я сидел, сказал начальнику дистанции Ветринскому, а затем контролеру тяги Ключинскому и начальнику депо Задонцеву (помнится, мы все вместе стояли на платформе), чтобы вели поезд тише, тем более что Государь завтракает... Ехали от Тарановки, несомненно, тише, чем до Тарановки; ехали довольно ровно и под уклон, в среднем меньше 40 верст, как вдруг я слышу треск такой, какой происходит от ломания лучины. Я сидел рядом с Кронебергом. Не прошло секунды, как я вижу, что на меня что-то напирает с лицевой стороны (я сидел спиной к движению), налетает на меня. Затем, ежесекундно ожидая смерти, поняв, что это страшное крушение, я несколько секунд просидел не двигаясь — вдруг увидел дневной свет и стал катиться под откос в правую сторону движения и, по-видимому, с той самой скамейкой, на которой сидел, и сидя на ней; возле меня очутился Кронеберг головою вниз и вверх ногами. Кронеберг кое-как выбрался из обломков, оказался окровавлен; я поднялся, и только ноги помяло мне обломками да руку. Поднявшись, я, прежде всего, подошел к барону Шернвалю, который в таком беспомощном состоянии сидел несколько выше меня на откосе, — оказалось, что он сильно ранен, почти без памяти. В это время подошли солдаты, барона понесли... Так как на вагон министра другие вагоны напирали,

а не напирал вагон этот на другой какой-либо вагон к локомотивам, то я полагаю, что центром крушения был или этот вагон, или близко от него, впереди или сзади. За вагоном министра был вагон 2-го класса. Крышу министерского вагона снесло, вероятно, прежде под откос, чем нас из вагона выбросило, ибо крыша оказалась ниже меня под откосом».

Рассказ Кованько ценен тем, что он сам находился спиной к движению, и его память зафиксировала момент крушения в глазах, воочию... Братьями по несчастью управляющего дорогой Кованько оказались чиновники М.П.С., сопровождавшие поезд и находившиеся в момент крушения в вагоне №3: главный инспектор Императорских поездов, действительный тайный советник барон Шернваль, Правительственный инспектор К.Х.А. ж.д. и инженер путей сообщения коллежский советник Кронеберг. Ситуация, точно описанная Кованько, выглядела таким образом, что вагон М.П.С. подвергся удару последующего вагона, которым являлся вагон №4, литер «I», предназначенный для работников кухни и части конвоя. Кованько однозначно определил вагон №4 как центр крушения, причем его описание момента крушения, в части его мгновенного протекания, очень похоже на описание взрыва.

В деле расследования крушения напрочь отсутствуют показания пассажиров вагонов №4, №5, №6 и №7, что само по себе странно, так как это были наиболее пострадавшие вагоны. В них было много погибших, но уцелевшие тоже были. Поваров, солдат, официантов и лакеев, без сомнения, опросили следователи, но кто-то счел ненужным приводить именно эти протоколы в следственном деле. В этом месте следствие явно ретушировалось. Мы еще вернемся к анализу этой странной, на первый взгляд, ситуации, а здесь скажем только, что основная версия происшествия созрела буквально в первую неделю после крушения.

Императорский поезд укомплектовали на заводе «Мильтона Рау и К°» во Франции. При разработке проекта поезда большое внимание уделялось степени комфортности состава и его отделке. Предметы убранства также заказывались во Франции. Так выглядел салон служебного вагона.

Вагон-столовая. Вагон с императорской столовой, в которой находились Александр III и Мария Федоровна с детьми и свитой, был полностью разрушен: без колес, со сплюснутыми и разрушенными стенами, он полулежал на левой стороне насыпи; крыша его лежала частью на нижней раме.

Возникла она только в очень узком круге лиц, владевших всем объемом информации, касающейся поезда чрезвычайной важности. Официальное же следствие продолжало работу по утвержденной программе, нацеленной на разоблачение коррупции и служебного разгильдяйства. В отсутствие рассказов пассажиров самых пострадавших вагонов, нам ничего не остается, как продолжить обследование происшествия по направлению к хвосту поезда. Совершенно нелишне напомнить, что в те времена вагоны, как товарные, так и пассажирские, собирались в основном из дерева, а металл в конструкциях применялся в качестве крепежа и ребер жесткости. Соответственно, нетрудно себе представить, какими были обломки вагонов при крушении.

Вагон №8, литер «Д», предназначался для августейших детей, и в момент крушения в нем оказался кондуктор Николаевской железной дороги Фома Лебединский, всегда сопровождавший царские поезда. Его рассказ лишен какой-либо выдумки, но, тем не менее, живописен:

«Когда я шел по коридору к выходу вагона детей Их Величеств, то почувствовал небольшой толчок под ногами и думал, что машинист дал тормоз. Сейчас же я почувствовал второй толчок и услышал крики и треск вагонов. Меня начало бросать сначала по коридору, а потом выбросило под откос, вышиною по наклонной линии сажен в восемь, но как выбросило меня, я не помню. Когда я пришел в себя уже под откосом, то увидел, что Государь стоял там же, под откосом, на коленях и разбрасывал стулья столовой, а потом я там же, около Государя, заметил и Государыню.

После этого я был положен в вагон 2-го класса, где мне и была оказана медицинская помощь. Когда затем меня переносили из этого вагона в санитарный поезд, то я увидел, что вагон детей Их Величеств стоял поперек линии дороги. Колеса вагона Их Величеств стояли — задние на рельсах, а передние не на рельсах; столовый вагон раздробленный лежал под откосом. Что же касается других вагонов, то я не заметил, в каком они были виде и положении. В самый момент крушения поезда Царская Фамилия и вся свита были в столовой, генерал же Шернваль был в это время в вагоне министра путей сообщения, так как он к фриштыку (закуске) не явился. В вагоне детей Их Величеств в то время оставались лишь только Ольга Александровна и ее бонна англичанка».

Кондуктор Лебединский, исправляя должность, перемещался по поезду, наблюдая за порядком, и был настолько наблюдателен, что мог точно определить, кто явился к фриштыку в вагон-столовую, а кто нет. Благодаря его наблюдательности точно установлен исторический факт: Фома Лебединский и Император с Императрицей были выброшены из поезда чрезвычайной важности одновременно. Этот момент, описанный Лебединским так живо и осязаемо, опровергает все последние многочисленные спекуляции историков относительно имевшего, якобы, место героического поведения Императора, державшего на себе крышу вагона-столовой и тем самым спасшего остальных присутствовавших. Как и все прочие, Император был выброшен под откос и был предоставлен воле Его Величества Случая.

На разрушенный вагон-столовую должны были наехать следующие за ним вагоны, но два ближних к нему развернулись на стальных рельсах поперек, образовав баррикаду. Однако последовавший удар был столь силен, что проломило вагонную стенку. Фото А. М. Иваницкого.

Серия фотографий Алексея Иваницкого с места крушения царского поезда была удостоена Золотой медали на Всероссийской выставке в Харькове (1888). Император Александр III в благодарность подарил фотографу небольшой участок земли в Гайдах, Змиевского уезда, неподалеку от Харькова.

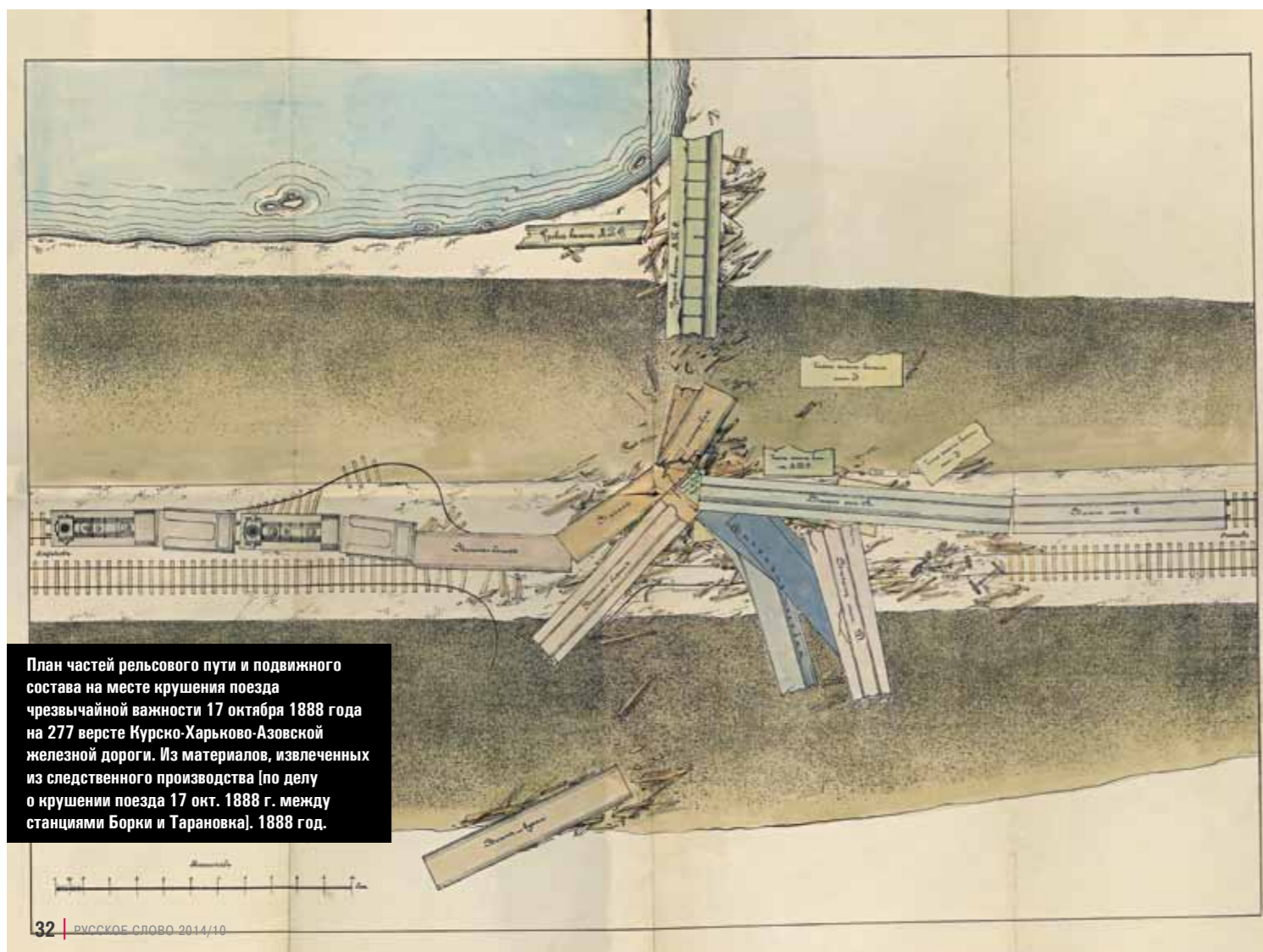
Последним аккордом нашей реконструкции событий станет интересный рассказ начальника Харьковского жандармского управления на железной дороге, полковника Н. Н. Бажанова. Он сопровождал поезд в третьем от хвоста поезда вагоне №13, литер «О», предназначенном для лиц свиты. К слову сказать: пять хвостовых вагонов совершенно не пострадали и своим ходом были отправлены назад в Тарановку. Вместе с Бажановым в вагоне находились технический инспектор поезда, действительный статский советник барон А. Ф. Таубе и начальник дворцовой полиции, комендант поезда полковник Е. Н. Ширинкин. Рассказ Бажанова профессионально точен, лаконичен и во всех отношениях выверен:

«В момент крушения я находился в отделении барона Таубе и полковника Ширинкина. Проходившая через наш вагон придворная прислуга сообщила нам, что Высочайшие особы и свита собрались в столовый вагон, где подается завтрак, — это было ровно в полдень по петербургскому времени. Затем, через несколько минут, мы получили первый чрезвычайно сильный толчок. Толчок был так силен, что я упал со стула на пол; затем вторым толчком перебросило меня к стене, где, ухватившись за стенку близ двери, я успел при сильных толчках приблизиться к выходной двери, которая от тех толчков была открыта, почему последний толчок выбросил меня на полотно дороги. Вся катастрофа произошла в несколько секунд и я безошибочно скажу, что все это было окончено секунд в пять или шесть. Очутившись на полотне дороги, мне представилась картина полного разрушения императорских вагонов, так что думать даже о спасении кого-либо из Высочайших особ было невозможно. Подбежав к вагонам левой стороны поезда, упавшим вниз, я первее всего встретил Великую княжну Ольгу Александровну, упавшую с значительной высоты из разбитого великокняжеского вагона, сильно испуганную, в слезах. Затем из того же вагона снизу наверх кто-то нес на руках перепуганного и сильно плачущего Великого князя Михаила Александровича, и здесь же по направлению разбитого столового вагона быстро подошла вниз Великая княжна Ксения Александровна, осведомлявшаяся с крайним испугом о Государе Императоре и Государыне Императрице. В ту же почти минуту по направлению от столовой, но с другой стороны великокняжеского вагона, показалась Государыня Императрица, спускавшаяся вниз по откосу, и затем наверху у столового вагона показался Государь Император. Радость

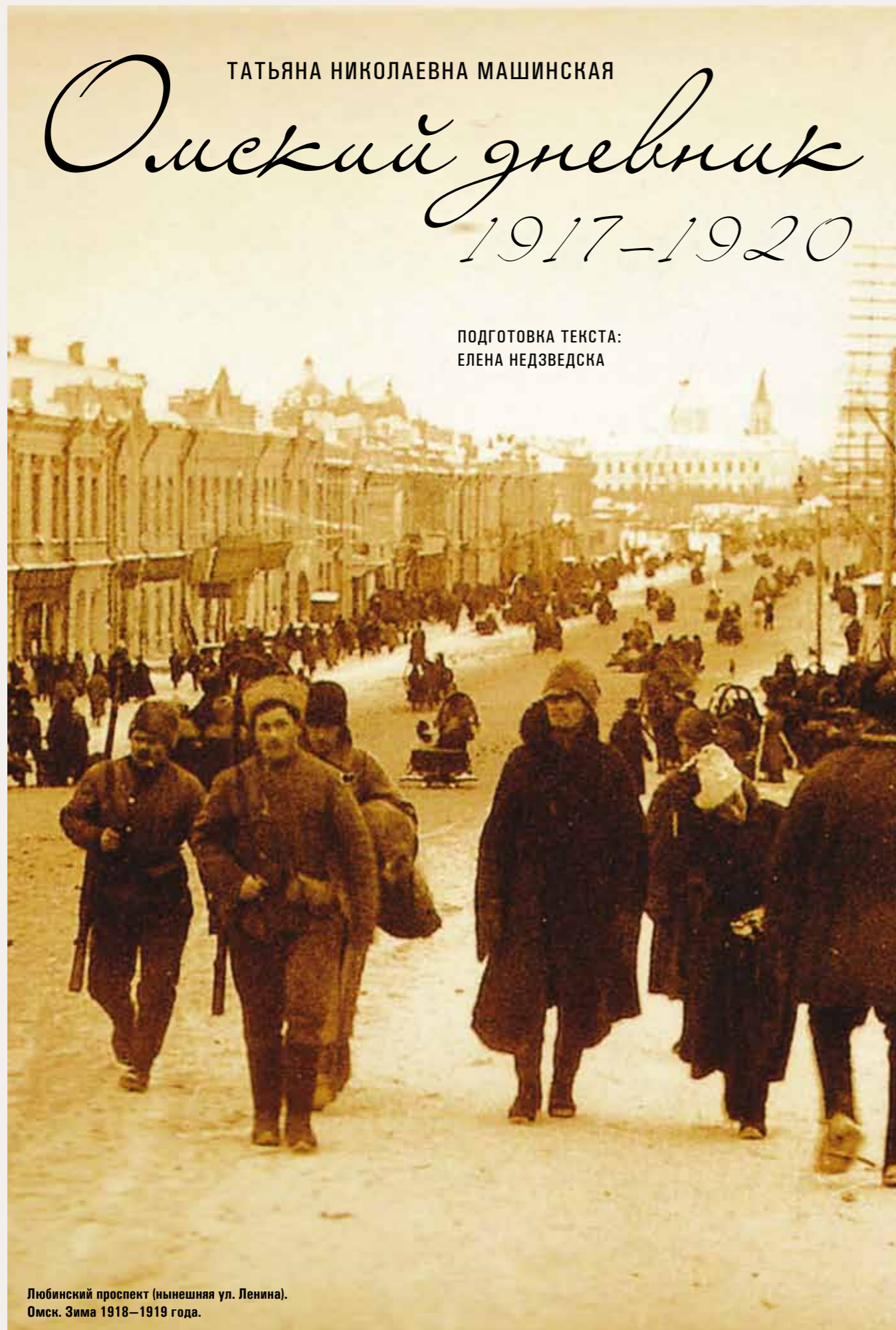
видеть всю императорскую семью, спасшуюся между обломками совершенно разбитого вагона, была так велика, что все успевшие прибежать вниз, как бы по условленному знаку, сняли шапки и перекрестились. Государь Император заметно был взволнован, но совершенно покоен, точно так же была совершенно покойна и Государыня Императрица, вышедшая из-под обломков с признаками поранения руки и лица. В продолжение этого короткого времени августейшие дети были уже перенесены в уцелевшие вагоны, о чем было доложено тут же как Государю Императору, так и Государыне Императрице. Высочайшие особы отправились немедленно в вагон навестить детей и потом сейчас же вышли оттуда осматривать убитых и подавать помощь раненым. Осмотрев наскоро характер крушения и видя к счастью, что никакого злоумышления тут незаметно, я немедленно отправился к паровозам и обратился к вагону, в котором был помещен аппарат, измеряющий скорость. Вагон этот был сильно поврежден в задней его части, именно там, где находился этот измеритель скорости. При помощи находившегося здесь техника, инженера Калашникова, удалось снять последний кружок, на котором в момент крушения скорость была показана 64 версты в час. Кружок этот находится ныне при деле».

Понятно, что жандармский полковник искал на насыпи следы подкопа и закладки мины. Такие признаки действительно отсутствовали. Отсюда и вывод — прямых указаний на злоумышление нет. Скорость измерялась в то время аппаратом Графтио, где на бумажном диске графически наносилась кривая изменения скорости. Баженов, действуя строго по инструкции, наскоро определил, что крушение произошло не в результате подрыва рельсового пути, а в силу значительного превышения установленной для поезда чрезвычайной важности скорости. Полковнику выпала счастливая возможность первым доложить Императору о сделанных им выводах и получить Высочайшее одобрение. Более того, на него была возложена почетная обязанность доложить харьковским властям о происшествии с Императорским поездом. Причем министр двора граф Воронцов-Дашков без обиняков указал полковнику сообщить обстоятельства дела с точностью, «чтобы не было там пустых разговоров».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

План частей рельсового пути и подвижного состава на месте крушения поезда чрезвычайной важности 17 октября 1888 года на 277 версте Курско-Харьково-Азовской железной дороги. Из материалов, извлеченных из следственного производства [по делу о крушении поезда 17 окт. 1888 г. между станциями Борки и Тарановка]. 1888 год.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА МАШИНСКАЯ

Омский дневник 1917-1920

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА:
ЕЛЕНА НЕДЗВЕДСКА

Любинский проспект (нынешняя ул. Ленина).
Омск. Зима 1918—1919 года.

Татьяна Николаевна — дочь тарского и омского купца 1-й гильдии Николая Николаевича Машинского. С ранних лет вела дневники, в которых запечатлела Омск дореволюционный, Омск Временного Сибирского правительства и дорогу в поезде с частями Чехословацкого корпуса по Транссибирской магистрали. Жила в эмиграции в Праге.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО В № 7—8/2014

ОТРЯД АТАМАНА КРАСИЛЬНИКОВА

Отряд Красильникова, в котором и Сережа, и Володя, должен мимо Карачей проехать в направлении Иркутска, занятого большевиками. Этому отряду поручено очистить весь путь от большевистских отрядов и освободить Иркутск. В пять часов он должен быть на станции. Рельсы бегут среди зеленого поля и пропадают где-то в дымке. Мы смотрим вдаль, а поезда все нет да нет. Наконец-то показался долгожданный дымок — вот и эшелон добровольческого отряда. Поезд длинный, с ними едут и лошади, и запас сена и овса. На платформе становится оживленно, вот и Сережа в боевой походной форме, вот и Володя в неизменной гимнастерке с кобурой револьвера у пояса, а вот и братья Кизины, и Стива Горуце, который и в походе не потерял своей элегантности. Ляля о чем-то оживленно говорит с Ником. Уезжают и братья Андреевы. Третий звонок! Не успели приехать, как слышим команду «По вагонам!», и снова поезд трогает, нам машут знакомые и незнакомые — мы остаемся одни на платформе, со всеми своими чувствами и невеселыми мыслями. И вот пока мы отдыхали в Карачи, Красильниковский отряд успел очистить путь до Иркутска и торжественно войти в освобожденный город. Добровольческий отряд и полк чехов во главе с генералом Гайда приветствовало все население с цветами и колокольным звоном. Но, Боже мой, какие печальные «трофеи» привез с собой отряд белых, вернувшихся из Иркутска: простые деревянные гробы

и в них убитых в боях юнкеров, кадетов, офицеров. Процессия с гробами, покрытыми национальными флагами. За катафалками идут родные и близкие, матери и сестры в глубоком трауре. Оба брата Одинцовы, замученные большевиками, одному 19, другому 17 лет. Похоронный марш Шопена звучит печально и разносится в прозрачном осеннем воздухе. Братоубийственная война — какие проблемы она разрешает, не несет ли она еще более сложные отношения, не запутывает ли их в тесный, неразрешимый узел? Зачем все эти жертвы и почему брат встает на брата, души русских и православных людей захлестнула ненависть, перейдена черта дозволенная, забыта заповедь «не убей», ведь не убивать, а лечить еще не зарубцевавшиеся раны от Мировой войны, необходимо «лечить душевные раны». Пора нам, русским, найти общий язык и действовать не оружием, а словом — остановиться, ведь все мы люди, все ищем правду, а ведь правда и мораль одна для всех, как красных, так и белых.

Долгая панихида по усопшим, длинный перечень в Бозе почивших имен. Восковые лица матерей, Вечная Память. Где вечная? Здесь, на земле, на которой все меняется, проходит безвозвратно? А тем убитым, темным, неграмотным, своим — тоже вечная?! Похоронный перезвон. Надгробное рыдание. Надгробный ужас... безысходное горе, и гробы медленно опускаются в могилу.

Кажется, что внешне все вошло в обычную колею, но это только так кажется: на самом деле, ритм жизни нарушен и нет уверенности в завтрашнем дне,

есть только сегодня, и потому и море стало по колено. Сегодня светит солнце, мы живем — и слава Богу! Раньше казалось, что так будем жить и завтра, а теперь завтра стало неизвестным, и о нем, пожалуй, лучше и не думать, и поэтому, если весело, то не просто весело, а как-то нервно, угарно, отчаянно весело — может быть, сегодня смех, а завтра слезы.

ОМСК

У нас гости и вечером парадный ужин. Хрустальная ваза: серебряный Садко играет на гуслях, а морской царь на другом конце ладьи его слушает, полна георгинами и последними розами, срезанными Губертом Ивановичем. Стол залит электрическим светом, тарелки, вилки и ножи блестят и в чинном порядке дожидаются гостей: жена военного министра Гришина-Алмазова очень хороша собой. У нее бледное матовое лицо, темные бархатные глаза и ослепительные зубы. Такой красавице кокетство не к лицу, достаточно ее улыбки, ее взгляда, достаточно даже того, чтобы она встала и прошла по гостиной — и этого уже достаточно, чтобы взгляда от нее не оторвать. О ней говорят, что она любит своего мужа, еще молодого генерала, а что в нее безнадежно влюблен министр финансов Михайлов. О ней вообще много говорят, и где правда, а где вымысел, разобраться нелегко. Долгий ужин затянулся до 12-ти часов. Много выпито вина и шампанского. В гостиной снова пьют и вино, и ликеры. Многим из наших гостей, по-видимому, вино кружит голову,

мужчины просят Гришину-Алмазову сплести «русскую». Она встает и под аккомпанемент пианино танцует, плывет как лебедь, как само воплощение женственности — и Володя, и Боба, и Стива целуют ей руки, белые, чудесные руки в брильянтовых кольцах. Уже поздно, очень поздно, который час? Третий, а может быть, уже четвертый? Гости одни за другими уезжают, а нам, кучке оставшихся, еще расхотится не хочется. Гришина-Алмазова напевает какой-то грустный и задумчивый романс. Лицо ее бледно, печально тень легла под глазами. Какая-то тень трагедии и обреченности покрыла на мгновение ее лицо. Предчувствовала ли она уже тогда, в разгар угарного веселья, печальную судьбу, арест, тюрьму и потерю любимого человека?

УБИЙСТВО МИНИСТРА НОВОСЕЛОВА

Директория — левое правительство во главе с Авксентьевым, опирающееся на чехов, как-то не внесло в жизнь большого порядка. Подземные волнения не утихали, а, пожалуй, возросли. Порядок в городе несут чехи и казаки войска, на которых можно положиться, а правительство больше занимается политикой, много говорит, совещается, выносит разные резолюции, а по существу само заблудилось в трех соснах и не знает, как из этих дебрей выбраться.

Часов в пять вечера мы с Люлей попросили кучера запрячь Краля в экипаж, сели и поехали в рощу. Я правлю, Люля сегодня веселая, накануне они с Сережей долго сидели в моей комнате. Я скоро уснула, а они еще долго о чем-то говорили и целовались. В роще нас догнала Ляля верхом на Искре, и мы поехали вместе. Листья уже начинают желтеть. Солнечные лучи озаряют рощу, но уже не греют. Лошади идут шагом по узкой колее. Что же это такое едет нам навстречу? Крестьянская телега, запряженная чалой лошадей, на телеге труп крупного человека, кое-как прикрытый брезентом. Желтые кожаные гетры бросаются в глаза. Нам не разъехаться. Телега останавливается, и, проезжая, мы спрашиваем возницу: «Кто это? Кого убили?» «Это министр Новоселов, это его убили, а кто его убил, нам не известно, велено доставить по назначению». Возница дернул вожжами, и телега с трупом уезжает. Убийство политическое — это несомненно. Вероятно, его заманили в лес и убили, но за что же его, такого сильного и молодого? При-

рода молчит, она никогда не выдает своих тайн!.. Все так же светит солнце, вьются паутины, и лес прозрачный и спокойный.

ТРЕВОГА

Дзень... дзень... настойчиво звенит телефон. Весь дом спит, и внизу, и наверху тишина, но настойчивый звонок не дает предаться сну. В коридоре слышатся отчетливые шаги майора Кошека. «Кошек... розумим... так... так». Он как будто отходит, повесив трубку. Опять настойчивый звонок. На этот раз вызывают Сережу. Запахнув халат, он спускается вниз... Громкие голоса в коридоре — и Ник спускается с лестницы, звеня шпорами. Он умудрился в пять минут одеться, накинуть шинель и, ни с кем не простившись, уйти. Однако, что это такое происходит? Волнение проникает и в мою комнату, я накидываю кимоно, наспех надеваю ночные туфли... Холодно... Тревожно. Все уже на ногах. Оказывается, что в Куломзино, под Омском, восстание большевиков. «Ничего, — бодро говорит майор. — Я распорядился, все меры уже приняты. Все как-нибудь образуется...» «Ну, сейчас друг Иосиф расхвастается и начнет туда-сюда бросать батальоны», — шутит Володя, добродушно усмехаясь, несмотря на волнение, царящее вокруг. Но на этот раз и его вызывают. Майор чувствует, что на него смотрят, подтягивается и держится браво. Гога зашел в одеяло, скорчился, поджал под себя босые ноги, ему и холодно, и жутко. Что же там, за темным окном, творится? Неужели опять кровь, опять жертвы? Напряженно ждем новостей, и только под утро возвращается Володя, прихрамывая больше прежнего, усталый, бледный, и говорит, что все в порядке, что последние подавлено. Стоит ли ложиться спать, когда утро брезжит в окно, да и все равно до сна ли нам всем сегодня?

АДМИРАЛ КОЛЧАК

Я, адмирал Колчак, Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий, в тяжелую минуту Родины беру на себя крест... и т. д., — гласит воззвание, расклеенное во всех частях города о том, что адмирал Колчак взял в свои руки правление. Воззвание короткое, почти лаконичное. Адмирал Колчак во время бунта на Черном море пропагандированных матросов, возмущившись их поведением и не желая сдать

свое золотое оружие, бросил его в море. Стыдно ли стало матросам, а, может быть, еще сильно импонировала личность адмирала, если один из них бросился в море, нырнул, достал это золотое оружие со дна и вернул его адмиралу. Случилось это в начале 18-го года. Прославился адмирал и своей научной экспедицией, которой руководил на Южном Полюсе, и вот теперь на него, нашего Правителя, уповают все надежды, он как вождь удостоен вести нашу Родину к освобождению и вывести ее из хаоса, в котором она оказалась.

Внешне он невысок ростом, широк в плечах, черты лица немного резкие, губы плотно сжаты, лицо волевое и, пожалуй, в самую страшную, м.б., последнюю минуту жизни оно не дрогнет и не устрасится самой смерти. Он должен быть хорош на капитанском мостике с биноклем в руках, в надвинутой флотской фуражке, напряженно смотрящий вдаль. Таким его бы мог изобразить художник. Сейчас он наш Правитель, наш капитан, на которого возложена непомерно тяжелая задача вывести наш тонущий корабль из бури и разбушевавшейся стихии.

Своей резиденцией адмирал Колчак выбрал особняк богача Батюшкина. Этот маленький дворец с окнами из зеркального стекла выходит на Иртыш. Часто мимо нашего дома проносится глессер, и мы слышим гул мотора. Он стремительно несется, как будто не касаясь воды, до самого железнодорожного моста, затем поворачивается и с той же скоростью проносится обратно. Это личная охрана адмирала.

Николай Васильевич, неся со своей сотней охрану дворца, познакомился с адмиралом, произвел на него должное впечатление своей военной выправкой и распорядительностью — адмирал назначил его своим строевым адъютантом, но, как мы слышали, собирается его сделать и личным.

Ник все время проводит у адмирала, его темный френч украшен аксельбантами, теперь он так занят несением службы во дворце, что мы его почти не видим.

ПЕПА-ДОКТОРЕНОК

Жизнь никогда на месте не стоит. Пестрая своими красками, подчас тревожная, шальная. Наталья Иллиодоровна ввела в наш дом Пепу Оренштиля, чешского легионера. Этот огненно-рыжий студент-медик, пожалуй, слишком много шума вносит своей персоной. Он порывистый,

Посещение А. В. Колчаком американского госпиталя Красного Креста в здании Омского среднего сельскохозяйственного училища (Главный корпус ОмГАУ). Слева (на заднем плане) Тимирева Анна Васильевна. 1919 год.

подвижный, весь из вихря и бури. Володя и Наталья Иллиодоровна вместе с ним поехали верхом, а вечером нам со смехом рассказывают: стремясь побыть вдвоем и желая от него хоть на время избавиться, они, не сговариваясь, попросили Пепу показать, как его хваленый Хват хорош в галопе. Приняв это за чистую монету и не задумавшись даже о том, что это с их стороны хитрость и уловка, он пустил свою лошадь в галоп, но за короткое мгновение, однако, повернул ее и пустился вскачь обратно. «Вот он каков, мой Хват! Полюбуйтесь!» — как бы говорило его сияющее лицо. И во всем он такой непосредственный, почти наивный. «Вот Вам, Танечка, цветочки-огоньки. Остановитесь... разрешите Вас сфотографировать. Если бы Вы знали, как Вы хороши на фоне этой зелени...» — и так всю дорогу на прогулке в рощу. «Слушайте: это „Юмореска“ Дворжака», — и Пепа свистит неподражаемо, как соловей, и моментами кажется, что это не человек свистит, а нежно-нежно поет скрипка «Ich liebe Dich» Грига и его же «Весну».

Но Боже мой, как он любит спорить, я совершенно согласна с ним, что на лошади сидит он безупречно, но зачем же горячо спорить и доказывать, как правильно нужно держать поводья, в какой момент приподыматься в седле — в конце концов, это становится скучно! Перестаньте, Пепа, учить все время, мы не в манеже, займитесь собой и своей лошадью,

а меня предоставьте себе... Пепа вспыхивает, его шея под тесным воротничком френча наливаются кровью, но Боже мой, и стыд, и ужас в глазах его, такая обида и даже слезы. Нет, это не мужчина! Пускай переживает свое и в одиночестве придет в себя. Я чуть-чуть ударяю Таис и пускаюсь в галоп. Ляля видит, как Пепа волнуется, старается его успокоить и не обращать внимания на мою резкость. Пепа успокаивается и за ужином робко ищет мой взгляд, мою улыбку. Очень жалею, что ему из жалости улыбнулась, он окрылен и, по-видимому, рассчитывает на мою взаимность — до того дошел, что поймал мой взгляд, устремленный на Кошека, и начинает меня ревновать. Этого еще не хватало, за это он будет наказан, я не скажу ему ни слова, ни разу на него не посмотрю, пусть бледнеет и краснеет. Я совершенно вольна в своих чувствах, во всяком случае, с ним не связана ничем! В коридоре Пепа хватает меня за руку, горячо ее целует и шепчет: «Ну почему Вы такая жестокая, за что? Ведь Вы прекрасно знаете, как я к Вам отношусь! Я так одинок, а Вы такая особенная». «Оставьте, Пепа, ведь Вы сами прекрасно знаете, что мне нравится другой». «Но ведь я Вас так люблю, я никого еще так сильно не любил, а ведь мне уже 27 лет». «Ну что же, а мне 16, на такие порывы и чувства мне еще не время!»

Пепа меня не увлекает, он весь как на ладони, может быть, если бы он был

сдержаннее, скрытнее, может быть, тогда... многие дамы его считают интересным и даже удивляются, почему он мне не нравится.

ПАРАДНЫЙ КОНЦЕРТ

В зале министры колчаковского правительства, иностранцы, нарядные дамы, военные формы разных национальностей и видов оружия.

Поет Каринская свою коронную песню:

Вижу горы-исполины,
Вижу реки и леса,
Это русская картина,
Это Родина моя.

Аплодисменты не смолкают. Место адмирала остается пустым, но, наконец, он появляется. Бледный, сосредоточенный, весь ушедший в себя. За ним следует свита: его личный адъютант Князев в морской парадной форме, молодой лейтенант Трубчанинов, наш Ник и многие другие. В первом ряду концертного зала и генерал Нокси Джэк, и в голубом мундире, с рядом орденов на груди, седой с нафабранными усами генерал Жанен, маленький человек с неизменной улыбкой — адмирал Тонако.

Вскоре адмирал Колчак со своими адъютантами покидает зал. Его трагическое лицо с горькими складками у губ не забывается. Почему он, однако, не весел? Ведь вести с фронта утешительные, наша армия пробирается на запад, союзники обещают всестороннюю поддержку и оружием,

Вид на Воскресенский военный собор (вторая Омская крепость) с ул. Горчаковской (сегодня ул. Голикова). Омск, весна 1919 года. Храм снесли во время строительства дома по ул. Спартаковской, в конце 1950-х годов.

и амуницией, и все-таки... японцев адмирал не любит, чехам не доверяет, а может быть, ни в чью искренность не верит, осторожен и предчувствует измену?!

Майор Кошек во время антракта знакомит нас с японской миссией. Адмирал Тонако, так же как и его адъютант майор Мики, оба прекрасно говорят по-русски. Много интересных лиц проходит перед нами, и безрукий Зиновий Пешков, сын Максима Горького. Он, по-видимому, привык к отсутствию левой руки, он весел, подтянут, французская форма на нем сидит безупречно. Голубой френч украшен рядом орденских ленточек.

Я смотрю на свою сестру и удивляюсь, какая она вдруг стала взрослая, она в белом газовом открытом платье, на шее у нее брильянтовый кулон, который она получила ко дню рождения, но больше всего меня поражает, как смело и непринужденно она говорит с генералом Жаненом и Ноксом, со всеми этими солидными и пожилыми людьми.

Надев шубы, мы выходим на широкое крыльцо, в автомобилях разъезжаются иностранные миссии, мы едем в экипаже с майором Кошкой. «M-elle, — обращается ко мне майор, — я надеюсь, что на следующей неделе Вы не откажетесь посетить наш Славянский клуб?» «Я с удовольствием, надеюсь, что ты, мама, ничего не будешь иметь против отпустить меня туда с Иосифом Ярославичем?» «Конечно, но я думаю, что и Ляля будет также интересно там побывать!»

Этим мама чуть подчеркнула что мое tete-a-tete с Кошкой ее не устраивало, она очень с ним приветлива, бесконечно гостеприимна, но до определенных границ. На днях мама, которая все видит и знает, перевесила мою шубу из передней на детскую вешалку. Зачем? Конечно, для того, чтобы я поменьше встречалась с майором. Я обыкновенно прихожу из гимназии и раздеваюсь в проходной, майор, зная прекрасно, что это я, выходит из кабинета и помогает мне раздеться, весь вкрадчивый, ласковый, весь как большой красивый зверь, но я знаю, что, дай я малейший повод, он обязательно подойдет ко мне ближе, обнимет так крепко, что захватит дух, и, конечно, меня поцелует. Вот все это мама предчувствует и поэтому за мной следит. Следит и Люля.

Славянский клуб недалеко от нашего дома, нужно только пересечь Атамановскую улицу. Вот мы трое уже на месте. Майор нас знакомит с видными чехами — послом Павлу, полковником Герингом, поэтом Медеком и русским профессором Болдыревым. Майор собирается перевести с чешского на русский поэму Медека «Зборов» и хочет меня взять в свои сотрудницы. В клубе натянуто и немного скучновато, может быть, потому, что чехи по своему характеру малообщительный народ, замкнутый, но, в общем, единения у них большого не чувствуется, только, пожалуй, один Кошек и оживляет все общество, шутит и с каждым находит тему для разговора. Долго там не задержались

и при полной луне, шутя и беседуя, вернулись домой довольно рано.

БЕЖЕНЦЫ

С новой волной беженцев в Омск приехала и семья барона Догль. Баронесса Догль — исхудавшая, измученная дама с лихорадочными глазами — приходится по матери внучкой фельдмаршалу Суворову, и если внимательно всмотреться в ее профиль, то он действительно напоминает профиль Суворова: тот же нос с горбинкой, те же плотно сжатые губы. Она в трауре. В боях под Ростовом она потеряла мужа и сына-офицера. Ростов был освобожден чехами, и с теми же чехами она покинула и родной город, и дом, и дорогие могилы. С ней ее младшие дети: сын-кадетик Сандрик лет двенадцати и большеглазая дочь Верочка. Сломленная горем, она мало обращает внимания на своих детей. Где-то во Владивостоке у них родные, там маленький Саша поступит в кадетский корпус, а сейчас ехать и ехать, бежать от большевиков, которые отняли все: семью, дом, счастье. Мама привела их к нам, чтобы они хоть на время отошли от тяжелой обстановки беженства и теплушки. Может быть, пройдет какой-то срок, и Догль придет в себя, успокоится — ее временный шок пройдет, но сейчас на нее тяжело смотреть и слушать ее отрывистые фразы. «Чашечки... чашечки, — повторяет она, держа в руках чашку чая, любуюсь ею и как бы ее

Группа чехословацких офицеров у жилого вагона на железнодорожном вокзале Омска. 1919 год.

лаская. — И у нас были чашечки...» Побыв в нашей обстановке и посидев за столом, они снова вернутся в теплушку, где будут сидеть и спать на нарах, смотреть в тусклое крошечное окошко теплушки на неприветливый мир и пить из жестяных кружек, пить до дна свою горькую беженскую долю.

ПОТЕРЯННЫЙ ПОКОЙ

На душе сумбурно и тревожно, и трудно во всем разобраться. Может быть, мудрая природа поможет найти потерянный покой. Лодка медленно вливает в залив, разрезая носом гладь реки, весла путаются в камышах и в водорослях, зеленая стена не пускает проникнуть глубже. Я остаюся и наблюдаю, как выются над гладью реки зеленые и синие стрекозы. Как пряно пахнет осока, переломленная пополам. Проворные водомерки режут определенное пространство воды, до точности, почти математической точности кем-то рассчитанного предела, чертят какие-то таинственные геометрические фигуры, вероятно, имеющие глубокий смысл, людскому уму не постижимый. Что мы, собственно, знаем о природе и ее законах? Неужели и мы, люди, только букашки, и судьба наша тоже кем-то предопределена? Есть ли какой-либо смысл ломать голову, почему и зачем человек живет? Нет возможно-

сти понять, почему мы, молодежь, живем вот именно в это сумбурное время и есть ли какой-нибудь смысл в войне и в революции. Что она, эта революция, этот хаос событий и умов, принесет человечеству, наступит ли вообще когда-нибудь время, когда не будет убийств и кровопролития, и дождемся ли мы счастья и мира? Однако пора расстаться с тишиной залива, кормой выбраться из зарослей камыша, повернуть лодку носом, выплыть на стрежень широкой реки и плыть по течению без дум, сомнений и неразрешимых проблем.

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Солнце еще высоко, но в березовой роще уже ложатся тени и повеяло прохладой. Мы вдвоем с Лялей едем верхом, прислушиваясь к лесной тишине. Выезжая из рощи, встретили целую кавалькаду. Адмирал Колчак на рыжем жеребце и рядом с ним его большая привязанность и серьезное увлечение Анна Васильевна — жена адмирала Тимирева. Обыкновенно она держится в тени в нашем обществе, и вместе с адмиралом она никогда не появляется, но, как это обыкновенно случается, все становится известным, и адмиралу ставится в вину эта его связь. Подчеркивается именно то, что, занимая такой ответственный пост, он будто бы не имеет права заниматься личной жизнью. Может быть, его бесчисленные враги рады воспользоваться

этой его слабостью и всячески стараются на него бросить тень — но не есть ли эта сторона его жизни действительно только его личное дело, в которое вмешиваться не следует? Однажды Анна Васильевна Тимирева приезжала к маме как к председателнице дамского комитета и произвела на нее очень хорошее впечатление.

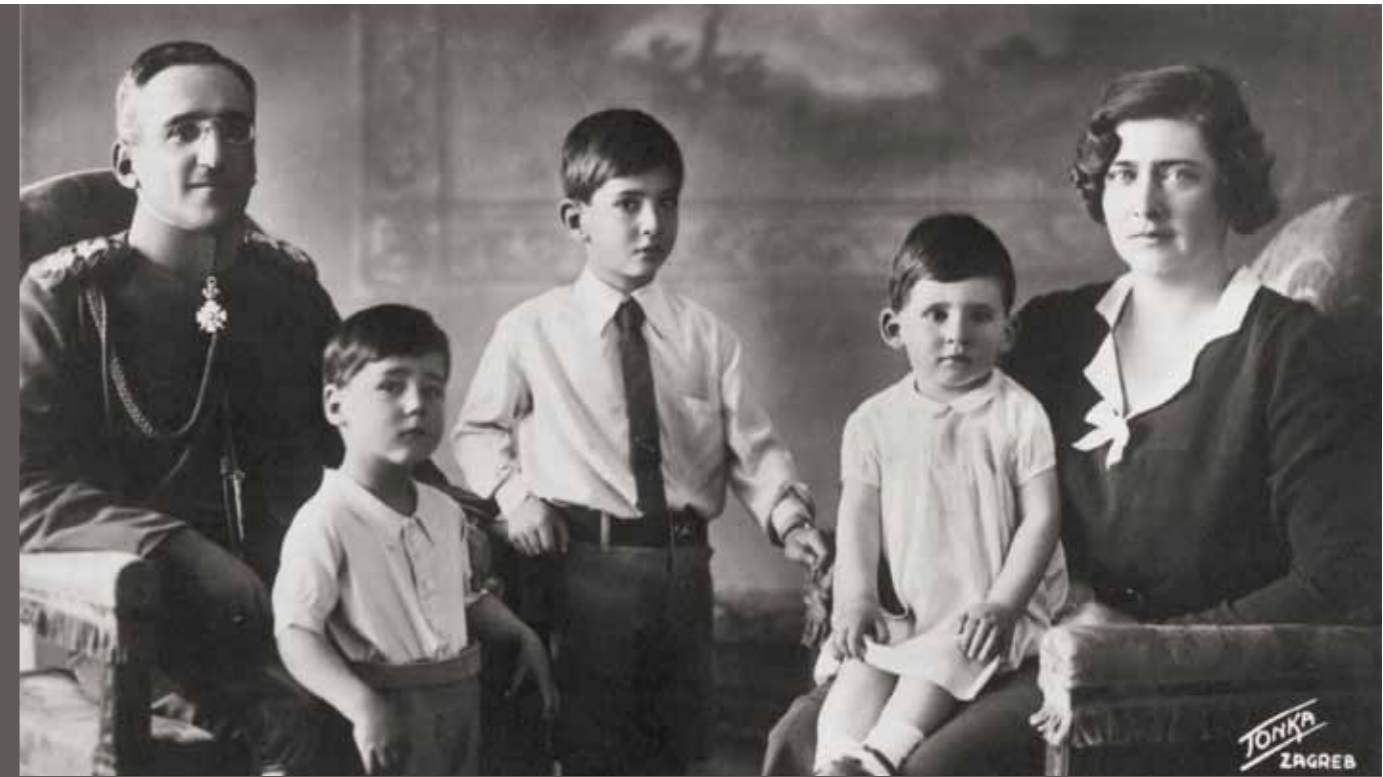
Мы с Лялей едем рядом и некоторое время молчим. На солнце вьется мошкара. «А все-таки я удивляюсь адмиралу, — нарушает наше молчание Ляля. — Зачем он появляется со своей дамой публично, ведь у него где-то на юге остались жена и сын». «Прекрасно, но если он своей жены уже не любит, а развода не имеет, что же ему остается делать? Ведь если он любит и верен одной женщине, это не разврат, и ведь всякие бывают в жизни положения». Вижу по ее лицу, что она со мной не согласна, к людям она подходит со строгой меркой. С ее точки зрения, эта незаконная связь адмирала не оправдывает, бросает на него тень, и если я с ней не согласна, то мои взгляды ей кажутся эмансипированными и в корне ей претят. Я невольно вспоминаю один из принципов старообрядческой веры: «Будьте строги к себе и снисходительны к другим». Не в нем ли руководство для человеческих отношений, не в нем ли правда? Ведь нельзя же жить по-старому, и отношения людей должны быть искреннее, человечнее. ■

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА

УБИЙСТВО ЮГОСЛАВСКОГО КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА I КАРАГЕОРГИЕВИЧА

80 лет тому назад, 9 октября 1934 года, французская пристань портового города Марсель ожидала прибытия корабля «Дубровник», принадлежавшего югославскому королю Александру I. Король должен был продолжить свой путь в Париж на официальную встречу с представителями Франции. В марсельском порту высокого гостя встречал министр иностранных дел Франции, заслуженный и опытный политик Жан Луи Барту (1862—1934). На пристани стоял почетный караул, представители армии, флота, мэрии города, было большое стечение народа. Прибытие корабля снимали для кинохроники. Никто не догадывался, что в толпе приветствующих скрывается и будущий убийца. Его выстрелы смертельно ранили короля и Ж. Л. Барту, которые медленно двигались в открытом автомобиле. Курок пистолета нажал болгарский революционер-анархист Владо Черноземский-Величко по кличке Димитров-Керин (1897—1934), который на месте покончил собой. История смертельного заговора не была полностью раскрыта. Кроме болгарских националистов, пресса тех дней не выпускала из внимания и националистов хорватских и политических эмигрантов из Македонии.

Король Югославии Александр I Карагеоргиевич, королева Мария Румынская, дети — Петр, Томислав, Андрей. Королевский дворец в Дедине, Белград. Открытка. 1930-е годы.

Убийство короля Александра и министра Барту шокировало весь мир. В воздухе чувствовалось напряжение и угроза наступающей войны. Королевство Югославия пыталось объединить необъединимое: прогрессивно развивающийся север страны и бедный юг, православную и кириллическую Сербию с католическим севером и его латинским шрифтом, восточные регионы с сильной мусульманской традицией и западные регионы страны, развивающиеся под влиянием Италии и Австро-Венгрии. Несмотря на ряд этих сложных национальных вопросов, ошибочных решений со стороны короля и правительства, личность короля Александра все-таки могла бы быть объединяющим звеном и залогом порядка в наступающем мировом кризисе.

Взаимную национальную вражду ему удавалось до определенной степени тормозить. Но вражда не исчезла, вспыхнула во время войны, успокоилась после войны под твердой рукой маршала Тито и окончательно уничтожила Югославию после 1995 года.

Народ не забыл годы Первой мировой войны, когда молодой наследник трона стоял во главе сербской армии и воевал с ней во всех сражениях. Он не покинул своих солдат во время ее разгрома и прошел с ней весь кровавый зимний поход 1915 года через сугробы гор Албании в Грецию. Отступало тогда приблизительно 420 тысяч солдат и с ними 200 тысяч сербских беженцев, женщин и детей, около половины из них не выжили. По данным парижской конференции 1919 года, погибло приблизительно два миллиона жителей всех регионов Югославии.

В 1934 году, после трагической гибели короля, пресса не стала раздувать отрицательные черты королевской власти. На первый план выдвинулась человеческая трагедия королевской семьи: гибель молодого короля (ему было всего 46 лет), горе вдовы, популярной королевы Марии, и осиротевших детей. Фотографии, свидетельства их счастливой семейной жизни регулярно появлялись на страницах иллюстрированных журналов

всех стран. Старшему сыну, наследнику Петру II (1923—1970), было тогда 11 лет, и на неожиданные похороны своего отца он приехал из Англии, где учился в школе. Его младшим братьям Томиславу (1928—2000) и Андрею (1929—1990) было тогда шесть и пять лет. Как не пожалеть такую семью! Искренне скорбели о смерти своего короля и сербы, и черногорцы.

КОРОЛЬ АЛЕКСАНДР I И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Когда после эвакуации в 1920 году за пределами России очутилась многочисленная волна беженцев из Крыма, молодой король Александр I принадлежал к тем представителям европейских стран, которые им сочувствовали и активно помогали. Тогдашнее королевство хорватов, сербов и словенцев было одним из первых государств, которые им широко открыли двери своего дома. Общее число российских беженцев, которые там осели в 1922 году, — приблизительно 33 тысячи человек,

Кадр кинохроники — убийство Александра I. Позже в фильм были добавлены звуки трех выстрелов, тогда как на самом деле Черноземский-Величко стрелял из пистолета более десяти раз, убив или ранив в общей сложности 15 человек.

Тело монарха было доставлено на родину на королевском крейсере «Дубровник» на следующий день после трагедии в Марселе.

и значительную часть составляли военные кадры, их семьи и дети. Детей школьного возраста было четыре тысячи. Школы для них содержались за счет правительства приютившей их страны. Детские приюты, школы и гимназии существовали в Белграде, Загребе, Панчеве, Дубровнике и других городах. Свою деятельность могли продолжить в Югославии кадетские корпуса, единственные за пределами России. Там существовали Крымский кадетский корпус в Белой Церкви, Донской кадетский корпус в Бичеве и Русский кадетский корпус в Сараево. Король Александр поддерживал бывших солдат Добровольческой армии, и многие продолжали свою службу в армии Югославии. Нашли в этой стране убежище в монастыре в Сремских Карловцах и представители русской православной церкви в изгнании.

Большинство сербских офицеров получило образование в кадетских корпусах царской России. Православное сербское

духовенство училось и воспитывалось в российских духовных академиях. При царском дворе и пажемском корпусе учились члены королевской семьи Карагеоргиевичей — будущий король Александр I и его брат Георгий. Благодаря этой традиции и связям, русская эмиграция чувствовала себя в этой стране хорошо. Родина была не так далеко, православная вера, кириллический шрифт и близость славянских языков помогали беженцам в этой стране быстро прижиться и сохранять в условиях беженского быта надежду на возвращение на родину. Твердая позиция короля Александра по отношению к СССР являлась гарантией всех их надежд.

Русская эмиграция во всех странах Европы внимательно следила за развитием событий и замечала, как с середины 1920-х годов начало меняться отношение к СССР. Постепенно возобновлялись торговые связи и затихли рассуждения о военных долгах и займах царской России. Появился вопрос о принятии СССР в Лигу наций. Государств, которые до того времени отказывались признать СССР и подписать с ним договор, становилось все меньше и меньше. На страницах эмигрантской прессы, где бы она ни издавалась, все чаще появлялись взволнованные призывы к представителям европейских стран с просьбой не связывать свою судьбу со страной, где в то время начались политические репрессии.

Одним из государств, которое к этим тенденциям относилось отрицательно, была Югославия, и прежде всего лично король Александр. Но история шла своим чередом. 19 сентября 1934 года СССР стал членом Лиги наций. 9 октября того же года во время Марсельского покушения погиб король Александр, последовательный критик Советского союза.

«Хотя говорят, что время залечивает наши душевные раны, впечатление от гибели короля еще долго не изгладится в нашей памяти и день 9 октября еще долго будет днем нашей великой скорби», — такие слова появились в 1935 году в парижском журнале «Иллюстрированная Россия».

Королевский дворец в Дедине. Белград. Парадная столовая. Архитекторы: Николай Краснов и Виктор Лукомский.

Парный портрет королей Югославии Петра I и Александра I. Автор: Шпиро Боцарич. 1920 год.

Фото: В. Поморцев.

Мавзолей династии Карагеоргиевичей. Интерьер украшают мозаики, созданные из 40 миллионов пластинок, имеющих 15 тысяч оттенков. В крипте церкви захоронено 20 членов династии, среди которых и два правителя: князь Сербии Александр Карагеоргиевич и король Югославии Александр I Карагеоргиевич.

Король Александр был похоронен в королевской усыпальнице храма Георгия Победоносца в городе Опленач. От имени всей русской эмиграции была подарена серебряная лампада в виде королевской короны.

Король Александр был похоронен в королевской усыпальнице в храме города Опленач, и от имени всей русской эмиграции была подарена серебряная лампада в виде королевской короны. Одновременно в Праге в кладбищенском храме Успения Пресвятой Богородицы торжественно уложили часть окровавленной рубахи короля Александра — покровителя и защитника русской эмиграции.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ И ЮГОСЛАВИЯ

В 1918 году, во время всеобщего ликования, связанного с концом Великой войны, развалом Габсбургской монархии и возникновением независимой Чехословацкой Республики, большинство граждан новой страны не ощущало отрицательных и опасных моментов, сопровождающих появление нового государства. Его основоположники, президент Томаш Гарриг Масарик и министр иностранных дел Эдвард Бенеш, о них хорошо знали. Основных опасных моментов было три. Во-первых, излишне узкая и продолговатая форма территории государства, осложняющая возможность военной обороны. Во-вторых, неоднородный состав населения страны: на территории ЧСР жили многочисленные национальные меньшинства (немцы, венгры, поляки), которые не мечтали жить в этом государстве. В-третьих — вражески настроенные соседние государства (Германия, Австрия, Венгрия, Польша).

Гарантом безопасности Чехословакии должен был стать договор с Францией, Англией, Румынией и с Королевством сербов, хорватов и словенцев (Югославия). Англия и Франция были мощными, уважаемыми державами, но они были далеко. С Румынией у ЧСР была общая граница — самая короткая и самая восточная. Граница проходила в лесистых районах Подкарпатской Руси, которая была тогда частью Чехословакии. Румыния и Югославия были монархическими странами, отсталыми и без собственной промышленности. С начала 1920-х годов страны-участницы Малого договора

(Malá dohoda) начали организовывать свою армию, вооружая ее по одному образцу. Большинство вооружения поставляли чехословацкие оружейные заводы.

Кроме контактов в области совместной обороны, Чехословакия предложила возможность подготовки кадров в своих учебных заведениях. Эту возможность использовала, прежде всего, Югославия. Положительную роль играла близость славянских языков и традиционные связи, корни которых зарождались со второй половины XIX века.

Что касается взаимных отношений кроме политического уровня, между Чехословакией и Югославией существовала дружба и взаимопонимание на уровне межчеловеческого общения. Представители чешской интеллигенции, прежде всего —

Приглашение на панихиду в память короля Александра I в общешитии для югославских студентов (Alexandrova kolej) в Праге. 1934 год.

Статья в русской газете, посвященная годовщине убийства короля Югославии Александра I. Прага, 1935 год.

молодые врачи, начинали свою практику именно там: помогли преодолеть эпидемии туберкулеза и других инфекционных болезней и пропагандировали основные принципы гигиены. В Праге на медицинских факультетах и в технических вузах училась югославская молодежь.

Общественная жизнь молодых югославов в Праге пользовалась большой популярностью. Ежегодные югославские балы принадлежали к пикну бальных сезонов, и в почетных и подготовительных комитетах заседали видные члены чехословацкого общества и их супруги.

В основном именно чехословаки были первыми иностранными посетителями и пропагандистами отдыха на Адриатическом побережье. Эта любовь к побережью и островам этого региона не изменилась и по сей день.

Взаимная военная связь и межчеловеческие дружеские отношения помогли многим чехословацким гражданам в начале Второй мировой войны. В 1938 году из ЧСР бежали молодые люди, солдаты и высшие представители правительства. Самый надежный путь был именно через Югославию. Существовала сеть тайных опорных пунктов, где можно было переночевать, поменять одежду, получить новые документы и оттуда отправиться дальше.

Как ни удивительно, югославы проявили себя и в 1968 году, когда 21 августа Чехословакию оккупировали армии пяти социалистических стран с целью задушить Пражскую весну. Это было время летних каникул, и на побережье в Югославии находилось большое количество чешских граждан, которые не могли вернуться домой. Государство и, прежде всего, частная инициатива позаботились о них. Тем, кто решил не возвращаться, а эмигрировать, помогли перейти югославские границы в Италию или Австрию. Югославия принадлежала к тем странам, которые поддерживали Пражскую весну и подали официальный протест против вторжения войск стран Варшавского договора.

Бывшей Югославии уже сегодня не существует, не существует и Чехословакии, но взаимная дружба все еще существует. ■

АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА

ЮГОСЛАВСКИЙ СЛЕД В ПРАГЕ

Коуницкий дворец

В 1918 году, после окончания Первой мировой войны, на осколках побежденной Австро-Венгрии возник ряд новых самостоятельных государств. Именно тогда на карте Европы появилась Чехословацкая Республика со столицей Прагой, куда стали приезжать дипломаты — представители иностранных государств, для которых надо было находить подходящие здания для посольств, консульских отделов и торговых представительств. Большинство посольств занимало или покупало здания пустующих дворцов у подножья Пражского Града, на престижной Малой Стороне.

Здание будущего Югославского посольства легко найти. С начала 20-х годов XX века оно находится на продолжающей Карлов мост короткой, но многолюдной улице Mostecká №277/15. Во всех подробных путеводителях этот дом — дворец в стиле рококо, принадлежащий графам Коуниц — отмечается как самое красивое здание на этой улице.

Над въездом во дворец развивался флаг Королевства сербов, хорватов и словенцев, а с 1929 года — югославский флаг. Сегодня в этом здании находится посольство Сербии и Черногории, а для остальных стран бывшей Югославии (Словении, Хорватии, Боснии, Герцеговины) пришлось искать новые здания.

Межвоенная Чехословакия чтит своих союзников, с которыми подписала специальные договоры о сотрудничестве и взаимной военной помощи. Такими странами тогда были Англия и Франция, и трехсторонний договор с ними назывался «Большой договор» — Velká dohoda. Существовал и договор с Югославией и Румынией — Malá dohoda.

В Праге с начала 1920-х годов существовали и поныне существуют улицы, названные в честь этих стран и их столиц. Существуют улицы Английская и Лондонская, Французская и Парижская, Югославская и Белградская, а также Румынская. Эти названия напоминают об этом сотрудничестве.

Кроме того, в честь Югославии существовала с 1925 по 1942 год площадь Петра Освободителя, названная в честь короля Петра I Карагеоргиевича, отца короля Александра I. Ныне эта площадь носит имя российского физиолога Ивана Петровича Павлова, под площадью

находится одноименная станция метро. В 1934 году, после Марсельского покушения на Югославского короля Александра, одна из самых оживленных улиц в Праге была названа его именем: проспект короля Александра. Так эта улица называлась с 1934 года по военный 1940 год и после войны, с 1945-го по 1946-й. С этого года она называлась улица маршала Тито, а с 1948 года до сегодняшнего дня — улица Югославских партизан.

В Праге существует еще одно здание, тесно связанное с югославо-чехословацкой дружбой. До войны в Праге и других городах Чехословакии учились много югославской молодежи. Они посещали профессиональные училища промышленных заводов или высшие учебные заведения технического направления и медицинский факультет. Для студентов, которые учились в Праге, было построено специальное общежитие (Alexandrova kolej), четырехэтажное здание в Стрешовицах, в Праге 6. Дом с плоской крышей был создан в строгом функционалистическом стиле в тихом районе. Здание окружала зелень парков и садов соседних особняков. По улице проходила линия трамвая, соединяющая район с центром города. В общежитии были удобные комнаты, библиотека, столовая, буфет, бани и помещение для общественной жизни.

В 1933 году для югославских студентов в Праге было построено общежитие — Alexandrova kolej, носившее имя Короля Александра I. Архив А. Копршиовой.

Храм Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище в Праге. Первый из колоколов храма был пожертвован королем сербов, хорватов и словенцев Александром I Карагеоргиевичем, освящен и установлен в ноябре 1925 года. Архив «Русской традиции».

За время своего сравнительно короткого существования оно приютило сотни студентов, представителей будущей югославской интеллигенции. Общежитие носило имя Короля Александра.

Оно было насильственно ликвидировано рано утром 17 ноября 1939 года, одновременно с ликвидацией всех чешских студенческих общежитий и всех высших учебных заведений бывшей ЧСР. Ранним утром в здание ворвалась немецкая полиция и солдаты. Всех студентов, в том числе и югославских, которых застали в общежитиях, немедленно отправили в концентра-

ционные лагеря на территории Австрии и Германии. Этот день — 17 ноября — отмечается поныне во всех календарях как международный день студентов.

После войны, когда в Праге вновь появились студенты из Югославии, общежитие недолго еще существовало под прежним названием, потом получило имя Маршала Тито. После 1950 года, в связи с политическими разногласиями между Югославией и социалистическими странами во главе с СССР, из Праги исчезли все югославские студенты и общежитие было ликвидировано.

В крипте Ольшанского храма установлена мемориальная плита в виде белого креста в память о погибшем в Марселе короле Александре I. Фото: В. Поморцев.

Последнее место, которое мы сегодня навестим, это православная кладбищенская церковь Успения Пресвятой Богородицы. На звоннице над входом в крипту пять колоколов, один из них подарен королем сербов, хорватов и словенцев Александром. По бокам лестницы, ведущей в нижний этаж, где расположена крипта — захоронения останков сербских военнопленных, умерших в Праге, ниши закрыты металлическими плитами с узорным кириллическим текстом.

В крипте слева в первой нише среднего ряда захоронена Живана Цврчанин, мать протоиерея М. Цврчанина, югославского королевского инспектора сербских военных могил. Его частная квартира находилась в загородном районе Горни Почернице, а приемная канцелярия — в здании посольства.

В стене под подвальным окном расположена хранильница, где под стеклом хранится часть рубахи короля Александра, окровавленная во время террористического нападения в городе Марсель в 1934 году. Первоначально она находилась прямо в церкви, куда ее торжественно поместили в 1935 году. После войны хранильницу убрали в крипту храма, и одновременно было решено сделать поправку первоначальной надписи, вырубленной в мраморной доске. Обратите внимание на это интересное явление: корректура истории долотом и молотком. ■

